

Дмитрий Градинар Елена Щетинина

ОТРАЖЕНИЕ ТАЙНЫ

744~天H4P4A0♀D00♀00

Дмитрий Степанович Градинар
Елена Щетинина
Отражение тайны
Серия «Зеркало (Рипол)», книга 10

Издательский текст
http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=56446375
Отражение тайны: РИПОЛ классик; М.; 2018
ISBN 978-5-386-12198-3

Аннотация

Темой десятого сборника серии «Зеркало» стала алхимия. В двенадцати парах мужских и женских рассказов люди в погоне за мечтой пронзают пространство и время.

Тексты сплавляются друг с другом, переплетаются, вступают в химические реакции. Заклинания и магия превращают в золото бронзу и медь. И, намертво сжав в ладонях философский камень, глядит в глаза надвигающейся беде старый алхимик.

Иллюстрации Адама Шермана.

Содержание

1		9
	♂ Андалузская сказка	11
	♀ Тигр, о тигр!	27
2		40
	♂ Шекспир Универсум	42
	♀ Книги Миранды	53
3		73
	♂ Край мира	75
	♀ Бремя автора	81
4		89
	♂ На другом берегу	91
	♀ Нет места лучше...	108
5		145
	♂ По ту сторону снега	147
	♀ Дьявол в деталях	177
	Конец ознакомительного фрагмента.	181

Елена Щетинина, Дмитрий Градинар Отражение тайны

© Елена Щетинина, Дмитрий Градинар, 2018

© Адам Шерман, иллюстрации, 2018

© Издание, оформление. ООО Группа Компаний «РИ-ПОЛ классик», 2018

* * *

*Алхимия зеркал создает множество путей
для выхода за пределы самого себя. В этом
пункте алхимическое преобразование вполне может
осуществиться.*

С.М. Телегин

Ученик замер у входа, не решаясь потревожить Мастера. Тот сидел за столом в неподвижности, только между пальцев его перебегал золотой дукат с имперским орлом и надписью: «эту монету я сделал из свинца...». Дата создания давно затерлась. Мастер просил не тревожить, когда пребывал в меланхолии. Но сейчас случай вышел иной.

– Гонец от императора! – решился наконец ученик. – С ним стражники...

– Пусть ждут. Императоров много, а нас, алхимиков, по пальцам пересчитать.

– Кажется, он замерз и устал. Его свита едва держится на ногах.

– И чьи это проблемы? Разве я кого-то приглашал? В следующей жизни будут думать, выбирая профессию! – отрезал Мастер.

– Говорит, дело срочное...

– Ещё бы! Нужно быть полным идиотом, чтобы тащиться в такую даль, в непогоду, по каким-то пустякам.

За стеной ухали гигантские кожаные меха, и всю скрипела ременная передача. Там закачивались горячим паром цилиндрические мышцы и взводились медные шестерни под крыльями механических птиц, готовящихся к ночной охоте.

– Может, действительно что-то серьезное?

– Ах, оставь эти глупости! Всегда одно и то же. Будут просить золото. Или бессмертие. Или то и другое вместе. Нет, чтобы добра в свой мир. Или чтобы все голодные стали сытыми и счастливыми. Лишь золото и власть. А потом бессмертие.

– Почему – потом?

– Потому что глупо быть бессмертным калекой или нищим. То ли дело – бессмертный властелин мира! Ладно. Зови.

Под каменные своды, бряцая ритуальными шпорами, шагнул молодцеватый фельдъегерь. Шпоры, как и пара тяжелых

пистолей за поясом, вряд ли облегчили ему восхождение к жилищу алхимика, но придавали внушительности. Позади гонца замерли шестеро хмурых стражников. Бывалые. Из-под дождевых накидок тускло поблескивают кирасы, руки на рукоятях шпаг. Лица в шрамах.

– Сир! Вы должны исполнить свой долг! – во взгляде посланника раздражение.

Из-за двери, за спинами стражников, показалась бронированная морда механопса. Мастер чуть заметно шевельнул бровью, и пёс замер.

– Принеси-ка мне чаю, – невозмутимо сказал Мастер ученику, – а мы тут пока поговорим о долге и всяком прочем.

– Хватит валять дурака! – гонец сорвался на крик. – Императору нужно золото!

– Только золото?

– И ещё бессмертие...

Ученик хмыкнул. Потом оказался на кухне, где в жерле огненной печи трудился голем-хлебопек, а рядом, наполняя воздух цветочными ароматами, которые, впрочем, всё равно не могли полностью сбить запах разлагающейся плоти, бормотала что-то над огромным чаном лучшая из поварих империи, умершая двести лет тому, но поставленная Мастером на службу. Не пропадать же талантам. Ни слуги, ни ученик не любили заходить на кухню.

Когда он вернулся, число гостей сильно поубавилось. И шесть механопсов слизывали кровь с каменного пола. А пе-

ред Мастером, утратив прежний лоск и апломб, стоял, дрожа от ужаса, гонец. И прятал глаза. Слишком уж холодным был теперь выцветший стариковский взгляд. И больше походил на белую бездну, где вертится вечная вьюга.

– Твои люди первыми достали оружие, так и скажи императору. Будет ему золото. С бессмертием пока сложно, но золото будет. Послезавтра. Не раньше обеда. Чаю хочешь? А что так? Ну, как хочешь. Передавай императору мои заверения в верноподданнических чувствах.

Когда посланник, потеряв одну шпору и оба пистоля, вылетел наружу, Мастер взял чашку, предложенную учеником, и неторопливо отхлебнул.

– Я же говорил, всегда одно и то же. Они думают, нам это запросто – обращаться металлы, общаться с демонами, видеть будущее. Запомни: алхимия – наука неточная. Никогда не известно, что в итоге получится. Может, золото, может, серебро, а может, и коровья лепешка. С бессмертием та же ерунда. Оно когда бессмертие, а когда бубонная чума. Тут много от настроения зависит. И от погоды. И чёрт его знает, от чего ещё. Ладно, пора делом заняться. Подниму стражников, не пропадать же добру. Подлатать малость нужно, сильно их собачки мои порвали. Ты пока вымой полы. Ужин через час.

Мастер достал дукат и вновь начал вертеть его пальцами. Год стёрт. Лишь имперский орёл и надпись.

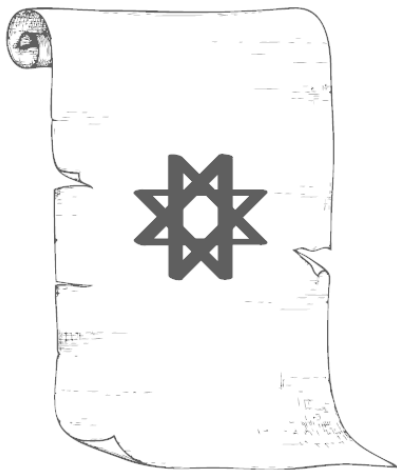
– Эту монету я сделал из свинца...

♂ – Дмитрий Градинар

♀ – Елена Щетинина

1

Алхимик являет миру своё искусство...

Эта звезда и есть знак Великого Делания. Своим появлением она накладывает печать на философские плоды и удостоверяет художника в том, что он действительно обрёл единый свет мудрецов. Звезда окончательного ведения, звезда Гермеса с необходимостью должна появиться в самом начале созидания микрокосма как знак и подтверждение совер-

шенного усекновения главы, безошибочного отделения чистой белизны от всего бесконечно чёрного, именуемого Мастерами чернью чернее чёрной черни – *nigrum nigro nigrius*. Философы именуют эту звезду Звездой Утреннею.

Эжен Канселье, «Алхимия»

Андалузская сказка

Обрывок холста в чаше с маслом коптит неимоверно. Пламени его горения едва хватало на то, чтоб осветить узкие высохшие ладони Мастера с выступающими из-под тонкой кожи острыми костяшками. Рядом мерно дышало море, а с пристани доносился ржавый шепот якорных цепей. Это последние рыбацкие лодки возвращались с лова.

Возвращались молча, без перебранки рыбаков, без веселого смеха детей, терпеливо ожидающих на берегу той минуты, когда можно будет выпросить у ловцов морских коньков и посмотреть, насколько велика добыча. Лодки приближались. Их выбеленные солнцем и солью паруса не хлопали на ветру. Только монотонное поскрипывание вёсел в уключинах да удары цепных колец о пристань, словно эпитафия прошедшему дню, возвещали о прибытии тружеников моря к своим причалам.

Вскоре исчезли и эти звуки. Ночь, объявшая всё восточное побережье Кастилии, от Барселоны до Коста-дель-Соль и дальше, до самого Кадиса, задула свечу дневных забот, и наступила тишина. Только пенно шуршали волны засыпающего моря, а в пахучих садах стрекотали цикады. Их приятное уху цвikanье звучало вечным гимном звездному небу, раскинувшемуся над Андалузией. И шатер этот был безразмерен и вечен. Лишь далекий лай собак, охранявших рыб-

ные склады, и дерзкие трели какого-то неумемного соловья, влюбленного и оттого певучего, пытались прорезать величие ночи. Но этим только делали её гуще, как делает приятней блюдо щепотка дорогой пряности, помнящей долгий караванный путь из какой-то далекой, как сами звезды на небе, страны.

Мастер распахнул настежь деревянные ставни, вдохнул полной грудью эту ночную тишину, так, что кольнуло в сердце, и вновь вернулся к работе.

Нет, он не был торговцем рыбой, хотя и жил рядом с морем. Он не разделявал туши, пахнущие тиной и глубиной, не чинил потрепанные штормами лодки. Он даже ни разу не выходил под парусом. Такое случалось разве что в далёком детстве, которое уже не помнилось, словно его и не было. Ведь для него это всё происходило так давно...

Он ткал ковры – и этим радовал людей. Хотя всё, что выходило из-под рук старика, оказывалось настолько прекрасным, что коврами его работу никто не называл. В сплетении разноцветных нитей рождались под низким сводом сырой лачуги Мастера настоящие картины. Загадочные, чарующие, останавливающие на себе взор.

Скрипят, шатаются ремизки станка, большой гребень, что сделан из расщепленного камыша, уверенно и ладно подгоняет нити, снуёт гладкий, отполированный миллионами движений ладони челнок. Куст самшита давно увял, попорченный неведомой болезнью, и только челнок, выструганный из

толстой жесткой ветви, остался напоминанием о том кусте. Скрипят ремизки, день и ночь. Вертится барабан с навитой тканью. И что-то остается после того, как нити исчезают, вплетаясь в ткань. Как будто шепотом эти нити подсказывали: «Всё исчезает, но что-то остаётся после...»

Кроме того, ковры Мастера были подобны большим зеркалам, в которых отражался калейдоскоп пейзажей. Со стороны казалось: ещё мгновение, и в кронах нитяных деревьев прошелестит ветер. Тот, что живёт за стеной. А в густых и тёмных облаках мелькнёт молния, вслед за которой поспешат раскаты грома.

Многое из того, что было выткано Мастером, приводило других обитателей посёлка, часто наведывавшихся к своему соседу-ковроделу, в недоумение.

– А что это за горы? Разве бывают такие высокие горы?

– А что это за звери? – наперебой лились голоса. – Неужели бывают звери, у которых карман на брюхе?

Мастер молчал и улыбался. И, видя, как пергамент его лица собирается в мудрые складки, люди тоже начинали улыбаться. Улыбаться, навсегда уверовав, что есть такие горы, есть такие звери, существует вообще всё, что живёт на коврах Мастера.

Бывало и другое...

– Сеньор Мастер! Сеньор Мастер! – взahlёб, едва переступив порог, от самых дверей восторгался здоровенный парень, чьи усы были ещё слишком невзрачны, а взгляд слиш-

ком лучист для того, чтобы назвать его мужчиной. – Сеньор Мастер! Я вернулся из долгого пути. Меня брали матросом на большой корабль с высокими мачтами, и я побывал чуть ли не на краю земли! Там чудные острова с дивными растениями, там вода прозрачна как слеза и всё время тёплая, как парное молоко! На память мне осталась морская раковина, какой ещё никто не видел. И знаете, Мастер, она точь-в-точь как та, что выткана вами два года назад!

А Мастер в это время разворачивал перед зашедшим морским трудягой свой новый ковёр, который едва успел соткать к рассвету. Рисунок словно дышал ветрами и свободой. Большой корабль тяжело взбирался на океанскую волну. За кормой виднелась гряда островов: чудных, волшебных, с дивными растениями. И вода была прозрачна, сквозь её толщу можно было различить ракушки и водоросли, облепившие днище корабля. Огромные белые паруса, разрисованные золотыми крестами, несли этот корабль к родной земле.

– Но Мастер! Мастер! Откуда вам... Ведь это тот самый корабль, на котором я провёл в море восемь долгих месяцев! Это же... – голос матроса срывался на шепот, восторг сменялся благоговением, – это те острова, два больших и пять чуть поменьше... Святая Дева! От Бога или от дьявола ваш талант, сеньор Мастер?

И вновь в уголках старческих губ мелькала улыбка, и вновь барабан заправлялся нитью, и по рыбацкому посёлку,

который уже раз, пробежала весть о чуде, сотворенном руками Мастера. А матрос, пораженный увиденным, нёс в дом старика огромный, сочащийся вкусной слезой круг сыра. И пучок зелени. И немного оливок. И кувшин доброго андалузского вина.

Никто не знал, сколько Мастеру лет. Сам же он давно перестал вести счёт годам, которые высеребрили волосы и сделали тело дряхлым и невесомым.

По утрам Мастер выходил привычной тропой к морю, чтоб умыться и набрать воды, чтобы позже, когда станет совсем жарко, смочить лицо и затылок. Для окраски нитей морская вода не годилась, приходилось носить воду из колодца на другой стороне поселка. Тяжкой, слишком тяжелой была ему ноша, но Мастер знал: всё, что идёт из сердца и снов, проходит через руки. Его труд. Его ноша. Краска должна быть замешана им самим, его руками. И брёл он долго, закрыв глаза, приветствуя медленными кивками встречающихся жителей. Раз за разом. Год за годом. Уже столько лет, сколько листьев облетело с деревьев у храмовой площади. Это был его медленный ритуал и долгий спор с самой судьбой. А морская вода – лишь для того, чтобы чувствовать Великое Море Создателя, как говорил о своём ритуале Мастер.

Тропинка сворачивала влево, уводила в сторону от широкой дороги к причалам, ветвилась на множество других тропок и стёжек, но он шел верно, всегда одним путём. К небольшой бухте с высоким валуном, прикрывавшим бере-

говую полоску от волн даже в сильную непогоду. Медленно раздвигая босыми ногами ворох слежавшихся водорослей с кое-где застывшими студнями медуз, он входил в приятно охлаждающую влагу, и изумрудные переливы играли на его лице. Вода была подобна жидкой бирюзе, насыщенной берилловыми тонами. Шустрые мальки сновали между ног, и небо купалось в этой воде.

Но таким море было для других. Старик видел лишь черные волны, катящиеся под чёрным же небосводом, и слышал тревожный крик чаек. Но никогда – ни разу! – Мастер не выплеснул стоящую перед глазами черноту на свои ковры. Его пальцы безошибочно смешивали охру и пурпур, изумрудное лето и ореховую осень, темноту новолуния и белизну зимы, а после вели челнок, превращающий нити в ткань, а цвета – в картины на ковре. Ночь не была ему помехой. Умелые пальцы соединяли нити суконным или саржевым плетением, реже – тафтяным, годящимся для шелка: ведь в поселке было не так много людей, позволявших себе покупать на ярмарках шёлк. Но иногда, хотя бы раз в год, Мастер сплетал особую ткань, называющуюся восьмивязным атласом, секрет которой верно хранили руки. И это были невероятные, богатые, как сам белый свет, поделки. Водились ли у него деньги? Наверное. Он не знал и не обращал на это внимания. А по правде говоря, иногда вовсе забывал, что на свете есть деньги. Он думал – зачем они миру, если у мира есть всё? Покупки делал мальчишка поселкового старосты, которого воспи-

тывали в честности и святости и который рано или поздно должен был стать новым старостой.

Шло время, менялись люди. Где-то начинались и прекращались войны, кто-то умирал, у кого-то рождались дети. Волны смывали старые причалы, и ветер уносил обрывки давно забытых клятв. И продолжали опадать листья. Менялось всё, только Мастер по-прежнему творил из нитей живое чудо, и огонёк мерцал в его окне каждую ночь. Больше для других, чем для него самого. И вскоре весть о ткаче-искуснике донеслась до Мадрида.

В блестящем лаковом экипаже въезжал Мастер на каменный настил моста, ведущего в замок Аламеда. Рядом с ним, бережно держа в руках ковры, отобранные слугами известного кастильского гранда, сидели на покрытых бархатом лавках трое жителей посёлка, сопровождавшие Мастера. Им пришлось проделать неблизкий путь. Через Лорку и Альбасете, через Ла-Роду и Таранкой. Мастер молчал. Молчали и его провожатые. Только изредка прикладывались к дорожной фляге с водой. Лошади устали, а фореиторы всю дорогу кривили лица. Им ещё никогда не доводилось сопровождать столь низкородных пассажиров.

На большом постоялом дворе у Аргандо им пришлось сделать последнюю остановку. Здесь заменили лошадей. На медные ступицы колес навели пламенный блеск, а с подножек экипажа смели дорожную пыль. Но это не помогло. Мадрид встречал их безразличием, как всегда встречают чужа-

ков большие города, где хватает собственных людей, новостей и событий.

Вельможа, носящий громкую фамилию, которая, впрочем, была стёрта потом временем, принял ковродела и его спутников в огромном мраморном зале. Ковры Мастера лежали тут же, на длинном столе, и вся свита гранда не могла оторвать взгляды от увиденной красоты.

– Мы поражены твоими трудами, старик! – вельможа кивал головой в такт собственным словам, роняя их, словно щедрые дукаты. Он знал цену каждой произнесенной фразе. Каждой букве. И все приближенные знали, как дорого стоит его похвала. Он говорил медленно, и каждое слово имело вес, который не измерить никакими марками, либрами и унциями. – Мы признаём, что свет ещё не видел подобных творений. Мы желаем видеть всё это на дворцовых стенах. Какая цена тебя устроит, старик?

И тут время замерло. Всё застыло. Только руки Мастера перебирали что-то незримое в воздухе, словно продолжали играть с тканью. Мастер молчал долго. Настолько долго, что нижняя губа самого спесивого из слуг вельможи успела провиснуть, обнажив десны и жемчужный ряд зубов. То ли дело жители поселка. Их жемчуг был сплошь гнилой и неровный. Мастер не составлял исключения. Но его руки! Он гипнотизировал, он творил какое-то чудо, непонятное, прозрачное, вечное...

Кто-то кашлянул, кто-то шаркнул башмаком, а кто-то и

подавил зевок. Ведь есть на свете люди, неспособные различить цвета, есть неспособные оценить звуки, немало и тех, кто не способен оценить вообще ничего, если оно не принадлежит лишь им самим. И только раболепие перед сюзереном заставляло их сейчас таращиться на ковры Мастера. Их нельзя судить. Все-все важны, как важны в море косяки разноцветных рыб и быстрые мурены, и жирная камбала, и даже никчемные рачки, без которых не существовало бы гордых финвалов. Так или иначе, кто-то дрожал от нетерпения, а кто-то зевнул. И старик опустил наконец-то руки.

– Благородный сеньор! – так отвечал Мастер. – Мне лестно слышать ваши речи... Я всего лишь ваш покорный слуга. Вот только...

Как было ему объяснить, что не звон серебра и блеск золота заставляли его трудиться днём и ночью, не разгибая спины? Как было объяснить, что он никогда не мечтал о таких случайностях, как поездка в роскошной карете, и о столичных бульварах с дарящими тень аламос, так называли рослые кастильские тополя с густыми кронами. Как сказать, что единственное желание, благодаря которому существовала в нём жизнь, это желание день и ночь плести свою ткань, превращая нити в чудо. Ведь то, что приходит во снах и стучит откуда-то из сердца, – ему нельзя не открыть дверь. Нельзя оставить там, за порогом существования этого мира. И было ещё кое-что... Руки Мастера безвольно опустились, из глаз

покатилась слеза. Как всё это сказать? Но всё же он попытался...

По залу пробежал удивленный ропот. Снова замерли звуки, слуги озадаченно вскинули и остановили опахала. Летняя жара, пробившаяся в дворцовый зал через раскрашенные окна и стрельчатые арки, старалась превозмочь извечную прохладу камня. Разговоры сменились перешептываниями. Кто-то полагал, что сейчас последует какая-нибудь дерзкая цифра, кто-то, наоборот, предвкушал жест покорности и приношение ковров в дар безо всякой оплаты, но кто бы как ни думал, в их мыслях всё равно позвякивали монеты. Золотые, серебряные, медные, разные. Здесь все знали цену всему.

Ковродел оперся о руку неотступно следующего за ним рыбака. Всё так же, не поднимая лица, сказал:

– Я стар. Голос мой слаб, а волосы седы. Но я имею всё, что помогает цепляться за жизнь... – он говорил так, будто ткал свой последний ковёр. Глухо и обречённо звучал его голос. Он думал о жизни, которая нескончаемым вереском стелется по земле. Думал о том, что скоро силы покинут его, и он уйдёт к тому берегу, на котором встречаются рано или поздно все ныне живущие. А потом вскинул голову, уставившись куда-то между вееров и цветастых нарядов знати. – Пусть же будет так, что перед своей кончиной я успею услышать, как множество людей из всех уголков страны радостно скажут друг другу: Боже, неужели так красива жизнь?

Пусть это видят все...

После этого наступила тишина. Мастер, ослабевший после долгой поездки, сел на стул и превратился в маленького человечка, обжатого со всех сторон временем. И только невидимое эхо гоняло по самым дальним и тайным коридорам замка его речь. Молчание было прервано грандом не сразу, настолько неожиданны были ему слова умельца.

– Старик! Просьба твоя необычна, как необычно дело рук твоих. Но только зачем, объясни, так необходимо, чтоб на всю эту красоту глазела толпа? В моём дворце достаточно места для сотен благородных гостей, все они смогут оценить твою работу с истинно высших ступеней понимания прекрасного! Тебе я предложу сан придворного ткача, и старость твоя будет обеспечена. Всем, живущим в твоём посёлке, я дам много золотых монет. За то, что не позволили тебе умереть от голода и одиночества, ведь я понимаю, как тяжела жизнь в провинции. Уверен, им это понравится больше, чем созерцание всех твоих картин.

Но Мастер не собирался менять своего слова, а сопровождавшие даже не пытались переубеждать его, хотя каждый из спутников понимал, что золото для посёлка – это не просто беззаботный праздник. Это новые лодки, новые снасти. Смола, пенька, железные обручи для бочек, соль, новая ограда для храма, повозки, тягловые волы...

– Старик, подумай! Не подталкивай меня к гневу! Творения твои велики. Но и щедрость наша не мала. Прими на-

граду, и пусть не будет между нами непонимания! Так будет лучше для всех.

Мастер молчал, перебирая пальцами край залатанного платья. Он понимал, что где-то там, бесконечно далеко от Мадрида и вообще от всего мира, Судьба плетёт восьмивязный атлас его жизни. И осталось совсем чуть-чуть. Последние стежки. Ведь есть ещё кое-что... Оно не мешало жить там, среди односельчан, но здесь окажется совсем лишним.

Гранд нахмурил брови, а потом решил перейти на лезть.

– Послушай, старик, оставим торг на потом, для этого будет ещё время. Расскажи нам лучше, откуда черпаешь своё вдохновенье? Ты много путешествовал? Ты встречался с великими художниками и перенял их мастерство, переложив искусство кисти на челнок ткацкого станка? Где ты видел всё это? – и гранд широким жестом указал на ковры, покрывающие стол.

А Мастер продолжал молчать, лишь из глаз его вдруг снова покатались старческие слёзы. Он понял. Вот оно. Вот и пришла очередь той тайны, которую лучше бы в себе не носить...

И в третий раз замерло всё. Где-то за стенами родился мелкий звук, но сразу и пропал, почувствовав неуместность своего пришествия.

– Что случилось, Мастер? – впервые гранд назвал его так, как звали старика в посёлке. – Что могло вас так растрогать или же обидеть?

Он был добр, этот вельможа. Возможно, это был самый добрый вельможа Кастилии. Но от этого он не переставал оставаться вельможей и верным блюстителем нравов. Ах, если бы об этом знать раньше, если бы знать! Можно было бы спрятать Мастера, ответить, что он ушёл и больше никогда не вернется. Всегда так случается, что когда происходит самое плохое, выясняется, что имелось множество способов избежать этого...

Теперь Мастер прикрыл лицо руками, чтоб не было видно слёз. За него ответил пожилой плотник, один из пришедших с ним:

– Прошу простить, благородный сеньор, за то, что посмел вторгнуться в вашу беседу. Но только вы спросили, где Мастер мог видеть всё, что позже появилось на его коврах. И если мне будет позволено, я отвечу на вопрос.

Внимание гранда и всей свиты немедленно перенеслось на плотника, чья обувь на деревянной подошве едва слышной дробью по мрамору выдавала его волнение.

– Да-да! Отвечай же скорей!

Плотник, которому до этой поездки из всей знати доводилось видеть лишь поселкового священника да ещё офицера гвардии, когда тот заплутал и случайно оказался в их краях, помялся, нервно передёрнув плечами, провел рукой по вздрагивающей спине Мастера и наконец ответил, быстро выталкивая из себя слова, словно стремясь поскорее избавиться от тяжелого груза, лежащего на сердце. А Мастер ед-

ва заметно кивнул ему, словно ободряя и одобряя одновременно. Ведь всё тайное рано или поздно становится явным. И даже Великое Море Создателя в отлив обнажало у берега своё дно, показывая, что же скрывалось там, в глубине.

– Он ничего этого не видел! Он не мог ничего этого видеть! Он вообще НИЧЕГО не может видеть! – выпалил, наконец-то решившись, плотник.

– Ваш Мастер ослеп? Что с ним случилось? Когда это произошло? – наперебой, взволнованной птичьей стаей, заговорили присутствующие в зале.

– Мастер слеп от рождения. По крайней мере, так говорит старуха Мерилья. А она в поселке единственная, кто помнит Мастера с детства.

– Тогда как ему всё это удалось? Это же невозможно! – воскликнул ошеломленный гранд, который уже начал смутно догадываться, что из всего этого выйдет.

Но плотник только кусал губы и пожимал плечами.

Дворцовый зал покидали молча. Все стремились потрогать ковры, словно святыню, и бросить прощальный взгляд на старика, сгорбившегося, продолжавшего зачем-то закрывать лицо руками.

Дамы вытирали слезы. Не все, но многие. Мужчины глядели с состраданием, тоже не все. Сам гранд стоял в стороне, не зная, что тут и говорить. А кое-кто обходил стол с коврами стороной, словно они несли на себе проказу.

Лишь один взгляд абсолютно отличался от прочих. И то-

му имелось объяснение! Чуть было не ставший ненужным придворный ткач злобно ухмылялся, бросая косой недобрый взгляд в сторону старика.

Это именно он, придворный ткач, справедливо полагавший, что его ковры – просто разноцветные тряпки по сравнению с коврами Мастера, он отправил состряпанное корявым почерком письмо в Медина-дель-Кампо, на имя Мигуэля Морильо, известного всем и всякому Великому Инквизитору.

Талант Мастера был признан даром Сатаны. Ведь никому не дано было понять, как мог слепой человек изобразить на ткацком станке всю красоту мира. Также никто не вошёл ещё на Эверест, и поэтому горные вершины, пугающие своим величием с ковров Мастера, были названы порогом преисподней. А таинственные звери с карманами на животах прыгали в далёком тропическом буше ещё не открытого южного континента, который на картах обозначался как земля огня и попугаев, впрочем, к этому рукой посла-иезуита было ясно дописано: «Никто никогда не бывал на этой земле, поэтому мы ничего о ней не знаем». И это была не единственная ещё не открытая земля.

Старика сожгли на костре жарким августовским вечером. И толпа, наблюдавшая за этим актом веры, плевала в сторону корчащейся в огне фигуры – ведь никто из них так и не увидел шедевров Мастера. Лишь часть из его творений сумел утаить от инквизиторов тот самый гранд, который ино-

гда запирался теперь в своей комнате, подолгу разглядывая невероятные картины, вытканые Мастером.

Объятый пламенем, сгорал завернутый в один из своих ковров Мастер. На его место в костре времени рождался пятнадцатый век. А утром, после ночного дождя, размывшего по площади пепелище, кто-то из стражников нашёл обрывок ткани: прекрасная в своём величии и раздувающая паруса, словно волосы красавицы по ветру, каравелла с названием «Санта-Мария» на борту купалась в лучах лунного света.

Ведь всё исчезает, но что-то остается после...

Тигр, о тигр!

Чумной Доктор стоял на улице за окном, небрежно облокотившись на подоконник, и с любопытством осматривал комнату. Кажется, осматривал. Что-либо определенное сказать было трудно, – стеклянные вставки в маске были мутны и надежно скрывали глаза.

– Ну, как здоровье? – спросил он.

Голос звучал глухо, резонируя в пазухах огромного клюва. Терпко пахло чесноком и травами и чуть тянуло сладковатым запахом тления.

Она пожала плечами, не отрываясь от гобелена:

– Вроде бы никаких симптомов.

– Вроде бы или никаких? – уточнил Доктор. Она снова повела плечами, на этот раз молча.

Доктор повторил ее движение, словно запоминая.

– А в городе еще пятеро этой ночью умерли, – как бы между прочим сказал он.

Она рассеянно кивнула.

– Тебя не интересует, кто это? – Доктор наклонил голову набок, словно огромная диковинная птица.

– Не знаю, – тихо ответила она. – Не знаю. Когда-то мне было интересно... хотя нет, «интересно» не то слово, оно слишком легкое и поверхностное... совершенно не такое, каким должно быть... Когда-то я хотела знать, кто умер на

этот раз...

– А теперь? – заинтересованно спросил Доктор.

– А теперь какая разница? Мы все рано или поздно умрем.

Судя по звуку, который донесся из-под маски, Доктор хмыкнул.

Она же лишь ниже склонилась к гобелену, подбирая нужный оттенок нити.

– Почему ты никогда не приглашаешь меня зайти? – спросил он.

Она повернулась к нему:

– Простите?

– Почему ты никогда не приглашаешь меня зайти? – повторил он, практически перегнувшись через подоконник. – Все жители города рады меня видеть. Они зовут выпить с ними чашечку травяного настоя, послушать их дыхание, да даже просто посидеть и поболтать. Но только не ты. Ты всегда разговариваешь со мной через окно.

– Потому что вы всегда подходите со стороны окна.

– Я делаю это с тех пор, как ты не впустила меня в дверь.

– Послушайте... – она откинулась назад, на спинку стула, и пристально посмотрела в круглые птичьи глаза. – Я здорова, а кроме меня, тут больше никого нет. Зачем вас пускать сюда? И тем более, приглашать?

– Из обычной человеческой вежливости, – пожал плечами Доктор.

– Из обычной человеческой вежливости мы когда-то впу-

стили нищего, и посмотрите теперь, – она обвела рукой улицу.

Чумной Доктор оглянулся.

Ветер гонял по безлюдной улице перекасти-поле. Видимо, занесло из пустыни, которая простиралась сразу же за городскими воротами. У стены было свалено в кучу какое-то тряпье, наверное, пытались убраться в доме кого-то из умерших, да так и не успели. Худая собака опасливо протрусил мимо, шарахнувшись от Доктора и оскалив зубы на кучу тряпья. Видимо, почуяла мертвеца.

– *И над всем безраздельно воцарились Мрак, Гибель и Красная Смерть...*¹ – тихо пробормотали за спиной Доктора. Его передернуло и чуть не отшвырнуло от подоконника.

Когда Доктор повернулся обратно, она снова склонилась над гобеленом.

– Зачем ты это делаешь? – спросил он.

– Уличному театру не хватает занавеса.

– Уличному театру не хватает актера, зрителей, пьесы, в конце концов, – судя по голосу, под маской ухмыльнулись. – Поверь мне, занавес самая меньшая из его проблем.

– Тем более нужно начинать с меньшей из проблем.

– Зачем? Зачем оно нужно? Город умирает. Ему осталось от силы несколько месяцев, ну хорошо, год. Но он умрет. О нем все забыли – и не вспомнят уже никогда. Зачем тебе это все нужно?

¹ Э. По. «Маска Красной Смерти».

– Не знаю, – она снова пожала плечами. – Но ведь оно есть. Оно было, есть и будет всегда. А значит – оно нужно.

– Это – твоё лекарство?

– Что?

– Это – твоё лекарство? Поэтому ты не заболела, да?

– Не знаю. Правда, не знаю.

– Искусство, – пожал плечами он. – Пффф... Право слово, какая глупость. Но дело твоё, я не настаиваю.

– Приходите ко мне на представление, – она подняла голову от гобелена и взглянула прямо в стеклянные линзы. – Приходите. Я приглашаю.

– Ну как я могу отказаться от приглашения, – Доктор преувеличенно галантно поклонился. – На сем прощаюсь с вами. До встречи.

Он развернулся и пошел прочь.

Она посмотрела ему вслед. Высокая, худая, вся какая-то нечеловеческая фигура в плотно облегающем тело провощенном плаще, словно сгибаясь под весом клювообразной маски, ковыляла вниз по пустынной улице. Собака скалила вслед желтые гнилые зубы. Фигура, не оборачиваясь, погрозила собаке пальцем. Собака заскулила, поджала хвост и на брюхе уползла в какую-то щель под домом.

Она вздохнула и вернулась к гобелену.

Всю ночь дул восточный ветер. И сейчас песок, что он принес из пустыни, был везде: хрустел под ногами, скрипел на зубах, царапался под веками. Вся площадь была покрыта мелким, вездесущим песком. И он, как только в городе умрет последний человек, с утроенными усилиями кинется завоевывать освободившуюся территорию.

Самое сложное было развесить гобелен. Она не рассчитала сил, и он оказался слишком тяжел для нее. Поэтому пришлось провозиться целый час, а не пятнадцать минут, как она предполагала еще вчера.

Но все равно, даже и через этот час, площадь была пуста и безлюдна. «Может быть, за ночь умерли и все остальные?» – мелькнула у нее мысль, но она быстро отогнала ее. Нет, нет. Так не может быть. Не может быть, чтобы она так глупо... не успела.

Старая пластинка на патефоне, хрипя и повизгивая, заиграла совсем древнюю, полузабытую мелодию. «Интересно – а сколько в этом городе не слышали музыки? Не думали о музыке вообще?» – снова мелькнула у нее мысль. Но и эту она тоже изгнала прочь. Не время, не сейчас. Потом. Если... если будет это «потом».

Она закрыла глаза.

Будь что будет.

*– Тигр, о тигр, светло горящий
В глубине полночной чащи,
Кем задуман огневой
Соразмерный образ твой?² —*

начала она.

Раздались хлопки.

Она открыла глаза.

Скамьи перед сценой уличного театра.

Ровно тринадцать рядов – она помнила это с детства.

На самом последнем сидел Доктор. Именно он и хлопал.

Размеренно, чуть неуклюже, как старый механизм.

– Спасибо, – сказала она. – Но это еще не все.

– Вот видишь, – под маской усмехнулись. – Никто не пришел.

– Потому что я больше никого и не звала.

– Вот как?

– Да, именно так. А вы? Как вы узнали о том, что я уже тут?

Доктор не ответил.

– Вот видите, – покачала головой она. – Вы поняли. Вы это как-то поняли. Я надеюсь, что так же поймут и другие.

– А если нет?

– Значит, нет.

² У. Блейк. «Тигр».

– То есть ты все это делала зря, – кивнул доктор.

– Нет, – снова покачала головой она. – Не зря.

– У тебя так мало жестов, – вдруг сказал он.

– Что?

– Так мало жестов. У тебя, – он поднял руку и покрутил кистью. – Ты пожимаешь плечами, киваешь, качаешь головой, и все. Да, кажется, все. У тебя больше нет жестов. Это очень плохо для актрисы, разве нет?

– Может быть, мне просто некому их показывать?

– А я?

– А вам тем более.

– Почему на гобелене именно тигры? – спросил Чумной Доктор с первого ряда.

Она моргнула, но не подала виду, что удивилась:

– Потому что я буду рассказывать о тигре.

– А почему о тигре?

– А почему бы и нет?

Доктор покачал головой.

– Я знаю, почему ты не заболела.

– Отчего ж?

– Ни одна бацилла не выживет в тебе. Она подойдет от скуки и тоски прежде, чем ты почувствуешь хоть какие-то симптомы.

– А вы научились шутить, госпожа Смерть.

Доктор дернул головой, словно хотел что-то сказать. Но она успела закрыть глаза:

*– В небесах или глубинах
Тлел огонь очей звериных?
Где таился он века?
Чья нашла его рука?*

Что-то зашуршало там, в мире за закрытыми глазами.
Она разлепила веки.

Человек, весь замотанный в тряпье, тяжело опираясь на клюку, ковылял через площадь к сцене. Добравшись до ближайшей скамьи, он тяжело упал на нее, но тут же поднял голову. И, кажется, приготовился слушать.

*– Что за мастер, полный силы,
Свил твои тугие жилы
И почувствовал меж рук
Сердца первый тяжкий стук? —*

продолжила она.

Люди.

Люди шли сюда.

Каким-то образом почуяв, прознав — они шли сюда.

Шли за искусством, шли к искусству — забыв про мор и чуму.

Ковыляя, помогая себе палками, поддерживая друг друга — они шли сюда.

*Что за горн пред ним пылал?
Что за млат тебя ковал?
Кто впервые сжал клещами
Гневный мозг, метавший пламя?*

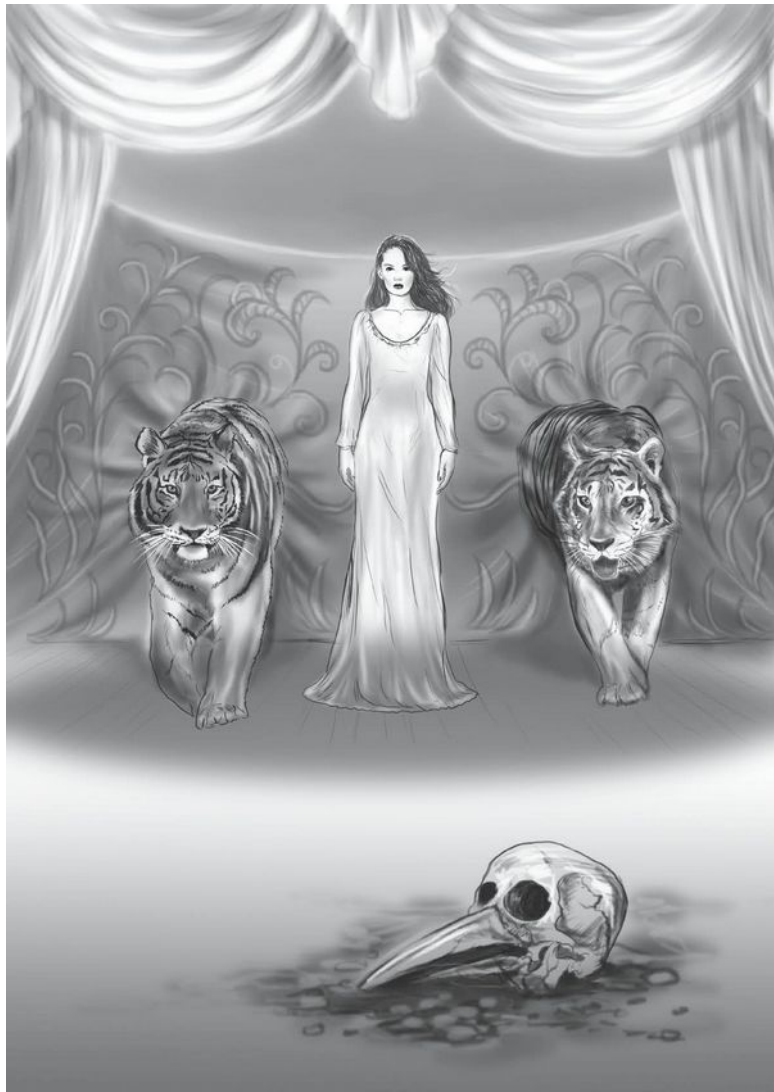
Чумной Доктор не находил себе места. Словно каждый вновь пришедший человек выталкивал, выпихивал эту птицеобразную фигуру, изгонял прочь. Доктор появлялся то на одном, то на другом ряду, иногда даже пытался метнуться к выходу с площади, но, будучи приглашенным, не мог покинуть ее.

*А когда весь купол звездный
Оросился влагой слезной, —
Улыбнулся ль наконец
Делу рук своих творец?*

Гобелен за ее спиной зашевелился. Сначала медленно и едва ощутимо, потом все сильнее и сильнее, пока не заходил ходуном, словно под порывами пустынного бурана. И среди движения гобелена она чувствовала и еще одно – рождение чего-то нового, могучего и великого.

*Неужели та же сила,
Та же мощная ладонь
И ягненка сотворила,
И тебя, ночной огонь?*

И два огромных тигра, сплестя свои гибкие тела, в едином прыжке ринулись на Чумного Доктора.

И исчезли вместе с ним во всполохе света, рассыпавшись солнечными зайчиками.

*Тигр, о тигр, светло горящий
В глубине полночной чащи!
Чьей бессмертной рукой
Создан грозный образ твой? —*

тихо закончила она.

* * *

– Мама, мама! – мальчишка прыгал за окном, пытаясь подтянуться на подоконнике. – Мама!

– Что тебе? – мать подняла голову от гобелена.

– Мама! Мы нашли в овраге такое!

– Что – «такое»?

– Мама, иди посмотри! Мама, это здорово!

– Потом, хорошо? Вы же никуда это «такое» не денете?

– Нет! – мальчишка замотал головой. – Нет, мы спрячем это в наши сокровища!

– Вот и славно, – кивнула она. – А я потом как-нибудь совершу набег на ваши сокровища. Хорошо?

– Хорошо! – он еще пару раз подпрыгнул, а потом побежал обратно к оврагу.

Приятели толпились на краю, шумно обсуждая находку, валявшуюся у них прямо под ногами.

Старый плащ, перчатки, какая-то палка с крюком, поношенная сумка. Стекло́нные линзы, странный кожаный чехол, истрепанная шляпа.

И еще «такое».

Череп.

Странный, не похожий ни на один виданный доселе. Чуть больше человеческого, с массивными костями. И, видимо, очень прочный и тяжелый.

С вытянутыми челюстями, — как будто сложенными в клюв, — и огромными провалами глазниц. Словно останки гигантской птицы. Неведомой, страшной и чужой. Не из этого мира.

*— Теперь уж стонов никаких
Из этой кости не исходит,
И сим единым не походит
Она на черепы живых³ —*

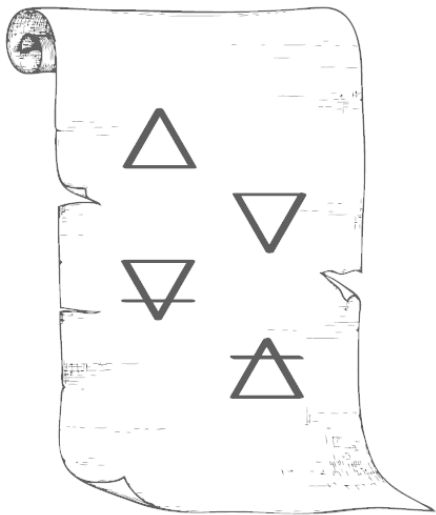
пробормотал какой-то мальчишка, даже не успев понять, зачем он, собственно, это делает.

Череп дрогнул и рассыпался в прах.

³ Дж. Байрон. «Стихи, вырезанные на чаше, сделанной из черепа».

2

...черпает знания в старых книгах...

... запрещено препятствовать пользоваться нашей книгой достойным людям. Скажи им правду и дозвожь пользоваться нашей книгой, и не бойся, тут нет греха. Эта книга пусть будет им помощником в пору необходимости и нужды, при бедности и на чужбине, или по какой-либо ещё из причин...

Абу Бакр Мухаммад ибн Закария ар-Рази, «Книга Тайн»

Шекспир Универсум

Большую комнату освещают четыре светильника, расположенные по углам. Круглое зеркало, висящее над кроватью, переливается бликами пламени, словно прощаясь. Ведь его скоро разобьют, раскрошат на мелкие осколки, чтоб навсегда исчезла та картина, которую оно успело запечатлеть в тонком слое амальгамы. Кровать – на мраморном постаменте, высокая, с резными спинками, размерами под стать комнате. На кровати взбитыми сливками вспухают кружевные простыни. С медного крюка, вбитого в потолок, свисает тонкая сеть.

– Балдахин, – услужливо пискнула подсказка.

Корвин заинтересовался этим странным словом и даже проговорил его несколько раз. Почувствовав, как оно ворожится под языком тяжелыми камушками-слогами (бал – самый большой, да – поменьше, хин – совсем маленький), он с отвращением выплюнул его, уже начиная сожалеть, что выбрал режим реального антуража. Текстуры выглядели крикливо, отвлекали. Ну кому могло прийти в голову спать на таких кроватях, с которых если свалишься, наверняка сломаешь шею? Да ещё отгораживаться этим самым бал-да-хином от кровососущих насекомых. Комар, семейство двукрылых, группа длинноусых, у самцов челюсти недоразвиты, они не кусаются, в отличие от самок, подсказка тут как тут.

И только Део, лежащая поперёк кровати, волновала его,

как и в тот день, когда он перелистал страницы Универсума первый раз. Разве что улыбка сейчас не играет на её губах, глаза закрыты, длинные ноги запутались в скомканном одеяле. Ещё всё портили синюшные пятна, выступавшие на белой шее. О них, об этих пятнах, теперь шла речь.

– Она мертва? – спрашивает полковник с фигурой баскетболиста-профессионала. Фигура облачена в нелепые одежды, большущие темные ладони сжимают белый платок.

– Мертвее мёртвого, – отвечает другой человек.

Этот другой – полная противоположность полковнику. Стоит чуть позади, но так, чтобы видеть Део.

Во-первых, он существенно ниже ростом. Во-вторых, он белый, европеоид, а не афроамериканец. Лисьи черты лица, бегающие глазки, и ещё имечко, Ягер. Но за всем этим скрыт глубокий ум, в чём можно убедиться, просмотрев хотя бы пару сюжетов с его участием.

– Итак, она мертва, – говорит тот, другой, – таков финал, мой друг! Давай-ка взглянем по-другому на дело наших сильных рук...

Корвин чертыхнулся, переводя режим голосового сопровождения с архаичного на специализированный. В сиреновом фоне голокуба мелькнула короткая искра, Ягер продолжил другим голосом:

– Признаки асфиксии в данном случае определяются визуально. При пальпации нижнего свода черепа обнаруживается перелом третьего и четвертого шейных позвонков. По-

вреждения гортани...

Корвин откинулся на спинку кресла, установив максимальный уровень информационного проникновения, и убавил насыщенность текстур, чтоб не отвлекали. Через неделю ему предстояло сдавать экзамен по патологоанатомии, и Универсум был настоящим спасением, хотя и недешёвым.

Сюжет с лекциями по медицине был обновлен всего несколько дней назад. Как раз вовремя, иначе всё стало бы намного сложнее. А так – сама простота. Корвин считал, что экзамен у него в кармане.

– Имеется обновление. Вводная часть. Асфиксия, её признаки и последствия, – скороговоркой возвестил несколько дней назад виртуальный лектор. – Добавить сюжет?

Корвин кивнул, серебряным колокольчиком прозвенел сигнал совершаемого события, где-то на счёт Глобал-Банка капнуло немножко денег. И пошла закачка.

С трех лет Корвин состоял в обществе книголюбов. Ему, слава Богу, повезло с родителями, которые смогли обеспечить такую роскошь. Тому, кто не имеет Универсума, личной интерактивной книги, никогда в жизни не стать медиком. Ни медиком, ни юристом, ни инженером. Вообще никем не стать.

Вначале это был Универсум «Ганс и Гретель», потом, когда Корвину исполнилось десять и он изучил, исползал все сюжеты от корки до корки, научившись считать, писать, составлять гербарий, и кое-что узнал об окружающем мире,

появился новый Универсум, Марк Твен – Интерактив. Там было много нового. Особенно его забавлял сюжет с путешествием Гекльберри Финна на Марс, где живут маленькие человечки и из земных семян выращивают огромные фрукты и овощи. Ещё показалось смешным имя директора корпорации по добыче соли. Мистер Пончик. Через Марка Твена Корвин познавал систему торговли и обмена, а попутно знакомился с правилами поведения во время транспланетного перелета. Родители специально вставили в Универсум эту страницу, потому что хотели отправиться с Корвином на всё лето в путешествие к спутникам Юпитера. Что-то вроде подарка в честь окончания лица.

Потом, достигнув совершеннолетия, Корвин сам выбрал Книгу для чтения. Разумеется, ею оказалась «Тысяча и одна ночь», хит сезона, и конечно, Корвина интересовали вовсе не главы с описанием политического устройства мира, не законодательные реформы Гаруна аль Рашида, а наложницы, наложницы и ещё раз наложницы, с подглядыванием в щелку в дверях гарема. Когда же обновления под «Тысячу и одну ночь» перестали производиться библиотечными службами, книга легла пылиться на полку семейного хранилища. Появился новый Универсум. Шекспир – Интерактив. И это оказалась книга что надо! Ведь Део с Эммой и Бьянкой являли изумительное трио. Корвину приходилось менять интерфейс героинь всего лишь раз в месяц. Да и то больше по привычке, потому что они никогда ему не надоедали. Део

была длинноногой шатенкой, полной чувственности и казавшейся наивной. Но в то же время она оказалась весьма деловой женщиной, историографом Критской крепостной дивизии под командованием полковника Мэвра Оттелона. Того самого, что был сейчас похож на баскетболиста НБА. Исходный сюжет, в котором Део приходилась полковнику супругой, Корвин отверг сразу же, впервые испытав нечто похожее на ревность.

Эмма, ослепительная блондинка, носящая чулки на подвязках, тоже перестала быть спутницей жизни Ягера и болталась без дела, являясь близкой подружкой Део. И только для Бьянки, рыжеволосой зеленоглазой бестии, Корвин сделал исключение, позволив остаться тем, кто она есть. Строгой учительницей в местной школе и любовницей майора Кассиуса Клея, неуверенного в себе тугодума, который постоянно влипал в скверные истории из-за неумения пить спиртное. Связь Бьянки с Кассиусом придавала пикантность любому сюжету. Ещё постоянными оставались парни из джаз-бэнда «Каирские ночи» и описываемый в Универсуме правитель, Дож Буш, представляющий партию Венецианцев. Ну, и вообще там много чего интересного было. Ежемесячный бал-маскарад, деревенские пляски, фламенко, пьяные оргии в трактирах, поножовщина в разделе обучения приемам самообороны и прочие кипения страстей под томным южным небом.

Когда тема лекции была усвоена, Корвин связался со своим другом Феликсом, живущим где-то в Евразии, в городе со странным названием Во-ро-неж. Опять камушки под языком.

– Привет, Фел! Как дела?

– А, Корвин! Здравствуй. Нормально, готовлюсь к экзамену. Как сам?

Корвин, который предпочёл обычной спутниковой связи библиотечную, через Универсум, делал сейчас два дела сразу. Разговаривал с другом и следил за Део, которую привели в чувство и отправили прихорашиваться в ванную. Под картинкой бежала красная строка с надписью «не пытайтесь повторить!».

То, как Мэвр крушит челюсть Ягеру, смотреть было неинтересно. Корвин наблюдал эту картину всякий раз, когда заканчивался очередной сюжет. Ягер всегда и во всём был козлом отпущения, финал для него постоянно выходил трагическим. Тут тоже было всё, что угодно. От банального рукоприкладства через злоеший электрический стул к изысканной смерти от бокала вина с ядом цикуты. Поэтому Корвина больше привлекала сама Део. В этот момент она как раз пыталась втиснуться в моднейший комбинезон «змеиная кожа». Зрелище что надо, особенно для парня, не обзаведшегося пока подружкой. Спасибо хакерам, сумевшим взломать Универсум Корвина и изменить установки в секторе «ню» на плюс двадцать один. Тотальная обнаженка и прочие прелести.

– Я уже прослушал лекцию. Решил тебя набрать.

– Мне тоже чуть-чуть осталось. Пытаюсь разобраться с настройками. Вот как этот чертов дым убрать? Не видно же ничего.

У Феликса, насколько знал Корвин, Универсумом была Война и мир – Интерактив. Они даже обменивались скрин-

шотами, и Корвин убедился, что Наталья Ростова очень даже ничего. Такое море анекдотов абы кому не посвятят. А вот здоровяк в очках – полный лох. Хотя и прикольный. Да и вообще там всё было запутано и сложно. Бедняге Феликсу приходилось постигать азы анатомии среди пыла и чада крупного сражения. До Корвина доносились лошадиное ржание, пальба артиллерии и какие-то дьявольские звуки.

– Что это у тебя стрекочет? Они что, дерутся на бензопилах, как в Техасской резне?

– А, это... Тут встретились Ка-пятьдесят вторые, Аллигаторы, с Супер-пумами. Русские и французские вертолёты огневой поддержки, – пояснил Феликс.

– Разве кавалерия ещё существовала, когда изобрели вертолёты и пустили их в дело? – изумился Корвин.

– Ну, ты даешь! Конечно! Последний фильм в Голливуде про Наполеона... Даже раньше! Точно! В «Зверобое», там классно показано! Ночь, прерия, ирокезы в седле, а апачи в небе. С Фенимором Купером не поспоришь. В фильме про Македонского вертолётов точно не было. Но Бородино – это ведь позже, да? Или нет? Чёрт, совсем запутался в настройках!

Корвину, всё ещё хранящему сомнения по поводу вертолётов и кавалерии, захотелось посмотреть, что же творится сейчас у Феликса.

– Дашь почитать? – поинтересовался он.

– Конечно, скачивай. Только побыстрее, мне ещё атмо-

сферные явления изучать... облака в перьях и в кучках, кажется. Там кто-то умирает и рассказывает про эти облака. Сюжет просто жуть.

– Нет проблем. Сейчас...

– Скопировать сюжет со страниц 292, 293, 294, – голосом Бьянки попросил подтверждения Универсум. – Стоимость скачивания восемь вебталеров. Продолжить?

Корвин кивнул. Сюжет был списан.

– Ну, давай, я тут почитаю ещё, – попрощался Феликс, – после экзаменов айда кататься на байдарках?

– В вирте?

– Ну, а где ещё? Не в речке же. Там в воду упал, считай, пропал, – со смехом выдал он бородатую поговорку. – Договоримся о парном сеансе, попрыгаем по порогам!

– Ага, – согласился Корвин, подмигнув на прощанье.

Затем он вышел на балкон, и хотя с высоты семидесятого этажа внизу было ничего не разглядеть, он всё равно стоял и долго глядел вниз. Он знал, что там резвятся соседские дети, чьи родители часто ворчали, когда бывали в гостях у родителей Корвина, что вот, мол, какие времена и какая глупая пошла детвора. Всё им в какие-то резиночки-казаки-разбойники играть, нет чтобы как раньше, встретились в чате, погоняли в гонки или, там, в танчики, или ещё во что, ведь так много раньше было игр. Так нет же, всё тянет их куда-то наружу, где и кислорода-то почти не осталось, один смог. И родители Корвина соглашались.

– Да, это точно. Совсем другие времена. Ну, наш-то ничего, – говорили они вполголоса, так, чтобы Корвин не услышал, хотя он всё равно слышал и потому думал, что они нарочно говорят не слишком тихо, – наш вроде при книжке всегда, грызет гранит наук. Друзей много. Со всего света, не то что у этих, которые по двору гоняют.

А после его родители прощались с соседями и отключали гостевой голограф. Ну, Корвин и не спорил. Общение – великая вещь. А книга... Книга – это, конечно, здорово! Но вот все эти старинные аудиокниги на антикварных аукционах всегда казались ему глупостью. Вставить в плеер. Так плеер найти сначала нужно, тоже у антиквара! Выбрать тембр. Громкость. Скорость воспроизведения. Никакого впечатления от этого. Сидишь и слушаешь, как придурок. А что творилось ещё раньше, когда не было ни Универсумов, ни даже аудиокниг? Неужели и вправду книги печатались на бумаге? Каменный век какой-то. Мамонты и писатели. Вымерли и те и другие.

Обычно в конце сюжета зеркало в комнате Део разбивалось. Это и означало, что сюжет окончен. С минуту он смотрел на трюмо, к которому уже протянулись чьи-то руки, потом отрицательно крутанул головой, и руки убрались. На этот раз зеркало не было разбито.

«Как же это скучно! – подумал Корвин., – Следить за чужой мыслью, не имея возможности хоть что-то во всём изменить».

Книги Миранды

Городской Механизм сегодня работал тяжело, с натугой, хрипя и подвывая. Еле различимое в сером тумане Колесо Большой Шестерни проворачивалось медленно, нехотя, словно его сдерживало какое-то невидимое препятствие. Зацепившись за зубцы, колыхались темные клочья, похожие на рваные тряпки – будто Шестерня с каждым поворотом вгрызалась в окружающее Ничто и вырывала из него куски. Хотя бывают ли у Ничто куски?

Миранда поежилась и прижалась к дверному косяку – ветер сегодня шел с океана, поэтому город обволакивали сырость и мелкий дождь.

*– Я в третьем круге, там, где дождь струится,
Проклятый, вечный, грузный, ледяной;
Всегда такой же, он все так же длится.
Тяжелый град, и снег, и мокрый гной
Пронизывают воздух непроглядный;
Земля смердит под жидкой пеленой.⁴ —*

зачем-то пробормотала она.

Старая привычка, ставшая уже не второй, а первой, первейшей натурой – ну а как иначе? Если ты лектриса и напол-

⁴ Данте Алигьери. «Божественная комедия. Ад».

нена цитатами, как кувшин талой водой, – то рано или поздно твои слова начинают растворяться в словах чужих. Миранда с этим боролась – как ей казалось, успешно, – но все равно, иногда те цитаты, которые заставляли себя произнести, ставили ее в тупик.

Третий круг Ада? Обжоры и гурманы? Но она – она сама – совсем не так видит Город: Золотой Квартал – всего лишь малая его часть, как можно по нему оценивать всех жителей? Или дело в том, что в городе прожирают и выгаживают свою жизнь – какая кому досталась? Возможно, но с чем сравнивать? Где то, что можно назвать «хуже»? Где найти то, что окажется лучше? И что брать за точку отсчета? Что делать, когда для тебя существует только этот город?

На Окраине что-то засвистело – наверное, Ременная Передача отсырела, и техники пытались просушить ее. Колесо натужно закрипело, со стороны Малого Механизма донесся хруст, что-то защелкало, разнося гулкое эхо по извилистым кварталам трущоб – потом раздался хлопок, и Шестерня, ускорив на пару минут свой шаг, пошла резво и чисто.

Миранда снова поежилась – то ли от холода, то ли от сырости, то ли от неприятного предчувствия, которое крепло с каждой минутой.

*Когда свинцовый свод давящим гнетом склепа
На землю нагнетет, и тягу нам невмочь
Тянуть постылую, а день сочится слепо
Сквозь тьму сплошных завес, мрачней, чем злая*

кажется, она произнесла это вслух?

Миранда мотнула головой, словно отгоняя муху – на самом же деле прогоняя слова и липкие мысли. Да, когда-то ей нравилось то, что книги начинают жить своей жизнью, но сейчас это уже больше похоже на безумие. Вкрадчивое, огоньками чудесных звонких афоризмов заманивающее в болото черной безнадёги верлибров.

В последнее время цитаты приходили злые, колючие – Бодлер, источающий горький яд, Шекспир в своем мрачном величии – они пугали ее, ввергали в оцепенение, но они были мыслями, единственными мыслями, доступными в этом городе – и она принимала их обратно. Потому что без них становилось совсем одиноко.

Что вы читаете, мой принц?

Слова, слова, слова...⁶

Кто говорит вами, принцесса? Слова, слова, слова...

Она вздохнула, вошла в дом и, держа в голове расположение прогнивших досок, поднялась в темноте по скрипучим лестницам к себе на чердак.

Из маленького окошка под самой крышей можно было ви-

⁵ Ш. Бодлер. «Цветы зла».

⁶ У. Шекспир. «Гамлет».

деть Шестеренку на фоне свинцово-серого сегодня Ничто и краешек океана между домами – единственная причина, почему Миранда не переезжала. В других домах окна слепо тарасились на соседние стены, груды отработанного металла, хибары Песолодей – и поэтому нередко заколачивались. Не так уж и много света поступало через них в этих кварталах, не жаль было его и потерять.

Интересно, на что отсюда был вид раньше? До... эксперимента? Если, конечно, тот не является всего лишь байками, сказками для глупых детей и не менее глупых взрослых. Никого из современников – возможных современников – эксперимента уже давно нет в живых. И лишь бродят по городу, так, крупницы, обрывки, ошметки сплетен и домыслов, которых недостаточно, чтобы собрать целое полотно – слишком огромны будут в нем прорехи смысла. В незапамятные времена были город, совсем не похожий на этот; мир, в котором нет Ничто; холм где-то там, куда мы уже не можем взглянуть – и лаборатория на холме. Эксперимент и что-то, выпущенное в мир. Завязка неплохой истории, да. Но кто поведает продолжение? И самое главное – кто скажет, каким будет финал?

Она снова вздохнула – кажется, туман сгущается, дышать становится все тяжелее и тяжелее – и отошла от окна.

В керамическом подсвечнике на столе тлела свеча. Миранда так и не погасила ее, когда выходила на улицу. Сотни раз ругала себя за эту забывчивость – не рановато ли терять

память в тридцать с небольшим? – и так же сотни раз оправдывала себя, что все равно тут сгореть нечему.

Последние годы выдались особо урожайными на сырость. Шутка местных «в районе Странных Рож есть только два вида погоды – грязь сухая и грязь мокрая» потеряла свою актуальность – сухой грязи уже давно не водилось не только в районе Странных Рож. Крыша дома, в котором снимала комнату Миранда, перманентно текла – и если она когда-то пыталась спасти пол и подставляла под капли, а то и струи, воды тазы и плоски, то теперь махнула на это рукой. Сырость ползла не только сверху, но и со всех сторон – и иногда, по ночам, ей даже казалось, что эта сырость рождается в ней, где-то под ребрами, и только потом медленно и тягуче, неумолимо и вкрадчиво обволакивает все вокруг.

И главную победу вода уже одержала – час за часом, день за днем она атаковала, медленно, вкрадчиво, самое ценное в этой комнатухе – самое ценное для Миранды во всем городе.

Она взяла свечку и подошла к шкафу. В полумраке тот напоминал какое-то диковинное животное, вставшее на дыбы, забившееся в угол – да так и замершее там.

Тихо зашуршала мокрыми петлями дверца.

Миранда провела пальцами по склизким форзацам. Не стоит и открывать книги – если только лишь для того, чтобы увидеть плесень и мох. Книги уже ничего не стоят здесь – как не стоят слова, мысли и образы. Так, забавная безделуш-

ка – такая же, как и театральные представления. Никто не заметит, если они исчезнут. Никто не заметит, если исчезнет что-либо – или кто-либо. Как можно заботиться о таких пу-
стяках, если ты живешь в городе, окруженным Ничто?

Она полюбила книги в тот самый момент, когда к ней в руки попала первая – сборник стихов безымянного автора, точнее, полсборника, с напрочь оторванной обложкой. Россыпь черного на пожелтевшем зачаровала ее – она возжелала узнать, что же это такое. Старый билетер из Циркового Квартала по этой книге и научил ее читать. А потом подарил еще несколько – выменянных у какого-то опустившегося аристократа за три хронометра. Откуда у билетера занюханного балаганчика оказалась такая ценность, как хронометр, да еще и целых три, Миранда до сих пор не могла понять – Цирковой Квартал надежно хранил тайны своих жителей.

А потом она стала лектрисой. И стала читать другим.

Год за годом книги скапливались в ее руках – случайно найденные в канаве, небрежно отданные клиентами, купленные, выменянные – и с каждым годом они встречались все реже и реже. Пока она не поняла, что владеет всеми книгами в городе.

Поначалу она испугалась – что же делать с этим богатством, как справиться с такой ответственностью. А потом поняла: богатство это – лишь в ее глазах, всему городу на книги плевать. Правда, что делать с ними, она все равно не знала.

А затем начали приходить цитаты.

Сначала робко, вкрадчиво, приучая к себе, приручая – и вот теперь уже нагло, по-хозяйски, вламываясь в разум, распоряжаясь чувствами.

Пока Миранда не поняла, что уже она сама является книгами.

В углу под шкафом что-то зашуршало. Крыса, что ж еще. Частый гость в этих трущобах.

– *Крыса, мышь, лисица, кролик следят за корнями; лев, тигр, конь, слон – за плодами*⁷, – шепнула Миранда чуть слышно.

Шуршание стихло.

– Ну так что, за какими такими корнями ты следишь там, малыш? – собственные слова вышли из горла хриплым бульканьем.

Она присела на корточки и поднесла свечу к углу.

Подвижная мордочка высунулась на мгновение, спряталась, послышались повизгивание и скрежет – и крыса вышла на свет.

Миранда вскочила и отшатнулась, чуть не загасив свечу.

Из спины крысы росла другая – полутуловище, выходящее под прямым углом из позвоночника товарки. Такая же острая мордочка – и такие же цепкие лапки, которые, мелко суча, пытались ухватиться за что-то – или кого-то схватить.

Миранда уже видела подобных этой крысе. Людей. Кар-

⁷ У. Блейк. «Пословицы Ада».

ликов, горбунов, скрученных и изуродованных. Тех, кто когда-то за провинности и преступления – кражу, дуэли, мошенничество – были сосланы к Дальним Механизмам. Туда, где совсем рядом царило Ничто.

Город по периметру окружала изгородь – не стена, нет, разве стена может сдержать Ничто? – просто изгородь, как знак, как символ того, где заканчивается жизнь. Осужденные и местные жители – отщепенцы, нищие, которых не пускали даже на улицы, хотя там и так болтался всякий сброд – избегали приближаться к изгороди. О нет, из Ничто не выходили никакие чудовища, не полз яд – просто от долгого соприкосновения с ним человек менялся. Во всяком случае, так говорили – и во всяком случае, именно от Дальних Механизмов привозили в город тех, кто потом населял Цирковой Квартал.

Может быть, конечно, крыса попала сюда случайно. Может быть, та как-то пробралась в телегу, в которой в город отправляли новых сиамских близнецов, говорящих голов, людей-червей и прочих существ без имени и подчас без памяти.

Крыса пискнула – Миранда не успела понять, какой именно из голов – и начала обнюхивать шкаф. Полутуловище вцепилось когтями в отсыревшее дерево и начало медленно подтягиваться – и подтягивать свою товарку.

Нет, вряд ли. Нет, не может быть. Таковую крысу заметили бы в тесной телеге. Она не могла появиться здесь таким образом. Сама. Только если пришла сама. А это значит, что

Окраина заинтересовалась Городом...

В этом не было ничего страшного – обитатели Окраины не представляли для Города сколь-либо серьезной угрозы. Они были разрознены, слабы, голодны – и городская стража легко справилась бы с ними, реши те напасть даже и всем скопом. Но что кто-то с Окраины мог так вот запросто прийти в Город, так легко пробраться в дом – на минуточку, на третий этаж! – и так нагло вести себя тут... Это было не к добру. Это означало только одно – с Механизмами что-то происходит.

На губы не шла никакая цитата, поэтому она просто пнула крысу. Слабые лапки не удержали полуторный вес, чудовище шлепнулось на пол, злобно пискнуло – и потрусило прочь, к двери. Полукрыса на спине дергала лапками и шипела. Миранде даже показалось, что она слышит в этом шипении что-то членораздельное.

*Но я на сите вплавь пушусь,
Бесхвостой крысой обернусь
И буду грызть, и грызть, и грызть,⁸ —*

всплыло откуда-то из глубин памяти мутным комом.

Резко заболела голова. Наверное, к перемене погоды. Ветер с океана, со дня на день может прийти шторм – и тогда из пучин вод и Ничто в изобилии принесет осколки прошлого. Истлевшие куски ткани, обломки металла, стекло, странные

⁸ У. Шекспир. «Макбет».

детали не менее странных механизмов – если это можно назвать механизмами – останки того, что кануло в небытие в день эксперимента. Или... в небытие канул сам Город?

– *Кровь застыла, пальцы – лед,*
*Что-то страшное грядет,*⁹ —

всплыл еще один комок.

В висках грызло, стучало и ворочалось – к перемене погоды, пусть это будет всего лишь к перемене погоды! Это всего лишь цитата, всего лишь цитата!

За окном снова сипло простонал Механизм – неужели на него так влияет сырость? Неужели десятки техников не могут постоянно поддерживать пар в обогревающих цилиндрах? Говорят, что раньше вообще использовали жаровни с углями!

«Куда еще не опускался лот», – вдруг пришла мысль.

Миранда мотнула головой.

«Куда еще не опускался лот», – мысль была неумолима в своей настойчивости.

Миранда закрыла глаза.

Крыса. Крыса не к добру. Такая крыса – не к добру. «Куда еще не опускался лот», – не отступала мысль. Миранда открыла глаза.

Крыса не к добру.

⁹ У. Шекспир. «Макбет».

«Лот!» – приказала мысль.

Миранда сдалась.

Крыса ее убедила.

Она протянула руку к шкафу и вытащила одну из книг наугад – по тому, каким был корешок за секунду до того, как потерял форму и оплыл жижей, она догадалась, что это «Отелло». Потом еще – на этот раз угадать не успела.

Еще и еще.

Еще и еще.

Она выгребла книги – всю полку, все, что могли взять руки.

Большая часть слиплась в вонючую черно-желтую кашу. Но это было не столь уж и важно – всё равно все они, все, вот тут, в ее памяти.

Она держала их в охапке – а страницы просачивались между пальцами и с чвяканьем стекали на пол. Наконец она разжала руки. Водопад – грязепад – слизепад – книгопад обрушился ей под ноги.

И тогда она взяла сумку.

* * *

Рассказывали, что Механизмы удерживают Ничто за пределами города и пока те работают, городу ничего не грозит. Правда, другие говорили – шепотом и оглядываясь – что именно Механизмы и создают это Ничто, и третьи добавля-

ли: пусть так и будет, потому что на самом деле за пределами Города есть нечто похуже. Рассказывали о смельчаках, которые выходили в Ничто – да так и не возвращались. А веревки, которыми они были обвязаны, тянулись и тянулись, тянулись и тянулись – как не могла сделать ни одна веревка. Говорили, что их концы так и валяются там, у изгороди, уходя в Ничто, оставаясь в Городе.

Миранда не особо вслушивалась во все эти истории. Что бы в них ни говорилось, все равно суть оставалась одна – Город и Ничто были, есть и будут. И над всеми ними царствуют Механизмы. Так и никак иначе. А мелочи уже не столь и важны.

В любом случае, тот мир, о котором она читает в книгах, – для них потерян. Точнее, даже никогда и не существовал. Может быть, он есть где-то там – за Ничто – но никому нет в него хода. Да и каков он, тот мир? Как в «Гамлете»? «Войне и мире»? «Доме в тысячу этажей»? Подчас она не понимала половины из того, о чем повествует текст – непонятные слова, неизвестные названия, странное поведение персонажей. Вряд ли это понимали и те, кому она читала, – они слушали слова, мелодию, фразы, но никак не мысли. Ей даже казалось, что мысли давно уже умерли здесь, запутались, как те тряпки в зубцах шестеренок, и весь город влачит жалкое, бессмысленное, растянутое во времени и ограниченное в пространстве существование – путь в никуда, дорога ниоткуда.

Выйдя на улицу, она подняла воротник и покрепче прижала к себе сумку. Кратчайший путь к океану требовал на себя около получаса – но ничего, в данном случае время не имеет значения. Перед лицом вечности мало что имеет значение.

Ее влекло к океану, тащило туда со страшной силой, словно что-то гнало, заставляло, торопило.

*Иной и впрямь решит, что в этом скрыт
Хоть и неясный, но зловеющий разум...*¹⁰

– пробормотала она, сжимая виски руками.

Над городом парил цеппелин – много-много лет назад пойманный в тиски Ничто, не могущий ни опуститься, ни уйти вдаль, Увязший Голландец, вечное напоминание о том, что из Города нет выхода. Одни говорили, что вся команда и пассажиры давно мертвы, другие – что они превратились в существ, описать которых не хватит слов, а третьи шептали, что на Голландце и время течет по-другому, и мир вывернут наизнанку, так что сказать, что он мертв – так же сложно, как и сказать, что он жив.

Когда-то Миранда, как и другие самоуверенные и наглые юнцы, пыталась добраться до Голландца и своими глазами увидеть то, о чем перешептывались на углах. Но Голландец

¹⁰ У. Шекспир. «Гамлет».

не поддался никому – попутно забрав жизни нескольких десятков самоуверенных и наглых юнцов. Он так и парил над городом – огромный, бесстрастный, потерявший выход, не нашедший вход.

Шахматный автомат на углу – грубо собранная из металла и дерева модель человека, сидящего за столом, – поднял руку, словно приглашая Миранду присоединиться к партии. Он всегда так делал, когда мимо проходили люди – или с периодичностью в полминуты, когда собиралась толпа. Наверное, в него был вмонтирован какой-то механизм, который распознает шаги, – подумалось ей. Ведь не может же он в самом деле обладать интеллектом. Хотя, надо признаться, партии он обычно выигрывал.

Иногда ей казалось, что в глазницах деревянной головы мерцают настоящие, живые зрачки – но она отметала сомнения. Вряд ли в этой фигуре мог сидеть человек – в таком случае он должен быть великолепным гимнастом. И еще более великолепным жуликом.

*– С завтрашнего дня я больше не буду Деревянным Человечком, а стану настоящим мальчиком, как ты и все другие,*¹¹ – тихо сказала она, погладив его по плечу.

Ей показалось, что внутри автомата что-то забулькало.

От стены напротив отделилась тень.

– Не надо, – серьезно сказал небритый здоровяк, поигры-

¹¹ К. Коллоди. Пиноккио».

вая мускулами. – Убери руку. Или играй – или иди своей дорогой.

Она кивнула и поспешила прочь – шахматы никогда не были ее сильной стороной. Собственно, как и вообще какой-либо стороной.

Сворачивая в проулок, она оглянулась на автомат. На мгновение ей показалось, что тот поднял руку – и вращал кистью так, как мог только человек. Но охранник, поймав ее взгляд, загородил автомат – и ей послышался смех. Двух людей.

На Площади – как обычно, за два часа до спектакля – с тихим шелканьем сам собой собирался театр «Конструкто». Зеваки уже обступили площадку и делали ставки, на что в этот раз будет похоже здание. Ровно в полночь – через час после окончания спектакля – театр сложится и уйдет под землю. Золушка-золушка, это похуже, чем карета, превращенная в тыкву. Рассказывали, что в высшем обществе один из способов избавиться от врага – пригласить его в театр, а потом оглушить или связать и спрятать в каком-нибудь углу. Шептали, что тогда в следующую сборку «Конструкто» подернут чуть розовой пленкой. Глупо, конечно – *«кто бы мог подумать, что в старике столько крови?»*.¹²

Архитектор – он сильно поседел за тот месяц, что его не видела Миранда, неужели говорят правду, что за каждый новый проект Театра он платит днями своей жизни? – жестами

¹² У. Шекспир. «Макбет».

просил зевак отойти как можно дальше. Видимо, на этот раз театр раскинется по ширине – а не уйдет ввысь. Увидев Миранду, архитектор приветственно махнул рукой – когда-то она прочитала ему несколько пьес, с которых и началась слава театра. Потом показал три пальца и провел ребром ладони над головой – есть свободные три места на одном из верхних ярусов. Миранда благодарно кивнула. Она успеет. Осталось совсем немного – она успеет к спектаклю.

Океан слегка морщился.

Буйки обозначали, где начинается Ничто.

На берегу было пусто, за исключением Смерти, которая, аккуратно свернув из газеты кораблик, пускала в последнее плавание чью-то прядь волос. Смерть сегодня была мужчиной – твидовый клетчатый костюм выгодно оттенял белоснежность черепа. Завидев Миранду, он махнул ей рукой – вряд ли признав, скорее всего, просто запомнив, что «в человеческой коммуникации жесты играют немаловажную роль». Бобби Тодд, журналист и биограф Смерти, сидел тут же на камне и наблюдал за манипуляциями компаньона. Бобби импонировал Миранде – как, впрочем, и многим в городе – то ли потому, что неплохо владел пером, то ли потому, что был молодым и симпатичным, то ли потому, что знал ее самой Смертью. Некоторые говорили, что с тех пор, как стал биографом Ее Костейшества, Бобби несколько озанудился – наверное, этого и следовало ожидать. На пороге смерти мно-

гие меняются – неужели не изменится тот, кто живет у нее в квартире?

Кораблик скрылся в Ничто, Смерть встал, тщательно отряхнул и без того чистые брюки и отправился прочь от берега. Бобби лениво потянулся, бросил на Миранду задумчивый взгляд, словно спрашивающий: «Ах, ты еще жива?» – и вальяжно пошел вслед за Смертью.

Миранда поежилась.

– *Вода была мокра насквозь, песок насквозь был сух...*¹³ – как в трансе пробормотала она, медленно расстегивая сумку.

На самом деле, давно это нужно было сделать, давно. Останавливала какая-то странная жалость. А может, и страх. Страх взять на себя ответственность – похоронить последние книги в городе. И пусть от книг там осталось всего лишь одно воспоминание – но именно на воспоминание тяжелее всего поднять руку.

Крыса ее убедила. Пора.

Ничто приходит в город. Пора.

Она достала из сумки газету и сложила из нее кораблик – настолько большой, насколько могла. Неуклюжий, кособокий – все-таки она не была ни кораблестроителем, ни Смертью – он закачался на воде, то и дело зачерпывая бортом.

– *А книги*

Я утоплю на дне морской – пучины,

¹³ Л. Кэрролл. «Алиса в стране Чудес».

пробормотала она, открывая сумку.

Как она и боялась, часть страниц уже протекла через ткань и, наверное, пленкой желтоватой жижи устилает улицы города. «Наконец-то он наполнится мыслями», — подумалось ей. К утру они смешаются с грязью, разнесутся на подошвах ботинок — мысли расползутся по городу как зараза, незаметная и — увы — совершенно безопасная.

Она зачерпывала книги обеими горстями и выливала в кораблик. Под грузом — разве можно это было уже назвать книгами? мыслей, чистых мыслей — тот кренился, дрожал, словно вот-вот развалится, но пока еще стоически держался.

Казалось, что она поступает неправильно. Что нельзя это делать так. Что нельзя просто брать и хоронить. Мысли должны жить. Нужно верить в них. Но крыса ее убедила.

Она оттолкнула кораблик от берега и отвернулась, чтобы не видеть, как тот уходит в Ничто.

И увидела пристально смотрящего на нее Смерть.

И вздох — полусшепот-полусхорох — остановившихся Механизмов окутал город.

И наступила тишина.

*— Но если мыслить
И значит — быть,*

¹⁴ У. Шекспир. «Буря».

А кончив мыслить... —

спросила Миранда, когда Ничто коснулось ее пальцев — так же, как она касалась книг. И все стало для нее ясным.

Не она возглавляла похоронную процессию книг — те сами хотели покинуть город, пусть даже и таким путем. Долгими месяцами их цитаты подчиняли ее себе, обволакивали сознание, травили сначала сладким, а потом и горьким ядом — пока она не потеряла волю, не лишилась себя и не пошла на поводу у них. Крыса была ни при чем.

Как Морж и Плотник устриц, книги обаяли ее, очаровали, уговорили — и так же, как Морж и Плотник, использовали в своих целях.

Крыса совершенно случайна.

Неясный разум последних в городе книг совершил последний в жизни рывок.

И освободился.

Крыса не имела никакого значения.

Она не похоронила книги — те бросили город. Бросили город, который бросил их.

Сбежали.

Забрав с собой слова и мысли.

Прихватив чувства и воспоминания.

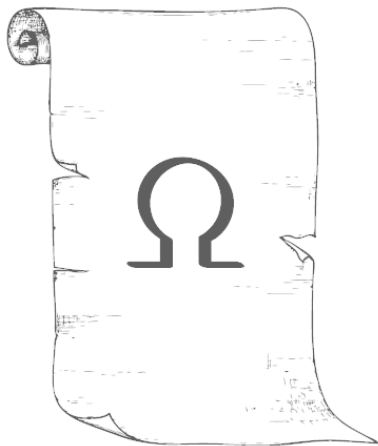
И оставив городу только ничего. Младшего брата Ничто.

— *А кончив мыслить...* — ей безумно хотелось, чтоб хотя бы в этот раз цитата осталась просто цитатой. Не отражени-

ем реальности, не предсказанием будущего – не мыслями, даже не мыслями! – а просто цитатой, набором старых слов. Пусть в этот раз это будет просто цитата – первый раз в жизни просто цитата.

Ничто погладило ее волосы. Словно говоря «спасибо».
– Кончаем жить,¹⁵ – ответил Смерть.

¹⁵ У. Блейк. «Мотылек».

...пытается избежать опасности...

А вот и – о проклятие! – анатомированные органы, части скелета, почернелые беззубые черепа, отвратительные своей замогильной гримасой, подвешенные человеческие утробные плоды, сухие и скрюченные, выставленные напоказ несчастные крошечные тельца с пергаментным лицом и бессмысленной жалкой улыбкой. А эти круглые стеклянные золотистые глаза – глаза совы с выцветшим оперением, которая соседствует с аллигатором, гигантской саламандрой, ещё

одним важным герметическим символом. Страшная рептилия как бы выплывает из темноты – цепь позвонков на низких толстых лапах, тянущая вверх костистую пасть с жуткими челюстями.

Фулканелли, «Философские обитатели»

Край мира

Здесь очень красиво. Закаты. Кофейный вечер подбрасывает теплыми ладонями пригоршни алмазных звезд. Восходы. Песня утреннего ветра с запахом ультрамарина: соль, йод, морская тайна. Жаркие ослепительные дни, а после вечерние облака снимают апельсиновую кожуру с солнца, и оно падает за горизонт. Здесь белыми черточками в небе – чайки, и белыми треугольниками – паруса в заливе. А ночью всё заполняется шепотами и страстью, в кафе зажигают свечи, и мы на дне огромного водоема, в котором отразились звезды. Край Мира.

Единственное, что напоминает о континентальной жизни – всё те же новости. Привычные, навязчивые, всепроникающие.

– Здравствуйте, – говорит улыбчивый телеведущий, а потом добавляет тревоги в голос, – в префектуре Канагава тайфун повредил энергоблок атомной станции Хаконе-1. Экологи ООН оценивают размеры катастрофы.

Потом идет заставка. Минута подарена вам фирмой Ролекс. Затем новости из мира искусства и премиальных лауреатов. И снова кадры разрушенного энергоблока, вереница беженцев, вперемишку с рекламой шоколада. И кое-что ещё.

– Специальное средство, уменьшающее воздействие радиации на организм! Безопасно для всех возрастов! Если

вы сделаете заказ сейчас, мы подарим абсолютно бесплатно набор респираторов и индивидуальных дозиметров! Спешите...

Наверное, кто-то спешил. Тот, кому это казалось нужным.

– Провинция Канагава... Радиация... Зачем же такое рекламировать на весь мир? – спросил кто-то из посетителей бара, совершенно разомлевших от жары.

– Реклама – потому что вещание со спутника. Переключите на спортивный канал, – ответил такой же умиротворенный голос.

– Но эта провинция далеко? – спрашивает Леди с белыми, будто шелковыми, волосами.

– Очень далеко, – отвечает её мужчина, – пожалуй, можно выпить текилы...

Девушка в накидке из тончайшей ткани разносит лимонад и алкоголь. Покачивает бедрами. Маленькими айсбергами бьются о стенки бокалов кусочки льда. Пить алкоголь в жару – чистое безумие. Но жара делает всех безумцами. Со стороны бархатных пляжей – детский смех и жужжание водных скутеров. В перерыве между раундами боксерского поединка идет реклама. Снова что-то необходимое. Важные вещи, о существовании которых мы не догадывались всю предыдущую жизнь.

Потом экскурсия на яхте. Паруса глотнули ветер и помчали кораблик к сердцу Океана. Ловля рыб. Фотографии. Улыбки топлес. Шампанское под шоколад и кусочки парме-

зана. Кофе-шейк с тропическими сладостями: авокадо, манго, бананы в кокосовом кляре. А ночью – прикосновения к вечности. Млечный путь подобен сияющей ленте, опоясывающей небо. Звезды падают неслышно и неожиданно. Никому не успеть загадать желание.

Третий день прогулки. Капитан взволнованно спорит с кем-то по рации. В волнах тело мертвого дельфина. Потом сразу десяток мертвых дельфинов. В вечерние краски вплелся странный отзвук колышущегося сиреневого цвета. Будто северное сияние у самого горизонта. Капитан сказал, что нужно возвращаться, и долго пил виски. Ночью было много падающих звезд. Наверное, дюжина в секунду, как праздничный фейерверк.

Когда яхта подошла к причалу, её никто не встречал. Побережье оказалось пустым. Лишь в кафе у самого пляжа бармен вглядывался в телеэкран, и путешественники с яхты перебрались к нему за столики.

– Здравствуйте, – диктор не улыбался. – Разрушениям подверглось большинство стран. Растет уверенность, что все виновные в развязывании конфликта в скором времени получат по заслугам. Через две минуты прямой репортаж из Лондона, а пока мы прерываемся на рекламу...

Бармен тряс головой и на все вопросы говорил одно:

– Край Мира. Это Край...

Он наливал всё подряд, без разбора: коньяк, текилу и виски. Он смешивал с мятным ликером джин и горький абсент.

Бездумно подкидывал шейкер, в котором плескались водка и другая водка. На большом подносе высилась горка чипсов и крекеров. Всё, что можно было наскрести из закусок.

– Сейфы для хранения ценностей! Ни взлом, ни кража! – доносились рекламные слоганы. – Выдерживают температуру свыше тысячи градусов! Даже находясь неподалеку от эпицентра...

Пошли кадры с лондонских окраин. Подобраться ближе, чем на десять миль, к останкам мегаполиса было невозможно. В кадр попало гигантское облако-гриб. Оно завораживало и вселяло чувство безысходности. Оно было красиво, как осенняя листва, которой никогда уже не стать живой.

– Боже! Что это? – вопрос без ответа. Бармен трясет шейкер. Микстура для конца света. Принимать по две рюмки до полного исчезновения иллюзий.

– Эту минуту вам дарит Ролекс!

Интервью с представителем ООН не даёт никакой ясности. Снова картинка взрыва над Лондоном. А потом над другой столицей.

Кто-то кинулся к отелю. Паковать вещи. Звонить. Заказывать билеты. Делать кучу ненужных дел. Вечер уже не был кофейным. Багряный горизонт, рябь по зеркалу залива, будто где-то топнул ногой великан. В телестудии на карте гасли огоньки, обозначавшие уцелевшие города.

– Мы прерываемся на рекламу, не переключайте канал! – и после нам советовали приобретать консервы, что хранят-

ся едва ли не вечность. – Если вы сделаете заказ сейчас, мы подарим абсолютно бесплатно набор респираторов и индивидуальных дозиметров. Спешите! Резервуары для питьевой воды... Остерегайтесь подделок... – по экрану тоже прошла рябь. Неведомые великаны добрались до спутниковой связи. И вскоре остался только голос. – Прослушайте эксклюзивное интервью с представителем ООН при штаб-квартире НАТО...

– Кто правит миром? – недоумевала Леди с шелковыми волосами.

– Террористы, вот кто! – резонно отвечал не успевший как следует загореть мужчина. – Из-за них все беды. Мы просто ответили ударом на удар, иначе и быть не могло. Или нанесли превентивный удар. А потом кто-то ещё ответил своим ударом. Там подключились другие. Чёртовы ублюдки!

Утром в заливе не оказалось океана. Только грязный карьер с заваленными на бок беспомощными яхтами среди груды водорослей. Мёртвые яхты и мёртвые чайки. С неба сыпался пепел. Диктор сказал, нетронутыми остались десять процентов обитаемого пространства.

– Десять процентов? Так мало? – заплакала Леди с шелковыми волосами.

Диктор сказал, последние города ждут удара, система оповещения передала, что ракеты вышли на цель, а мы прерываемся на рекламу, не переключайте канал.

В прибрежном отеле с отчаянным звоном вылетели стек-

ла, выбитые горячим воздухом, и пролился нестерпимо яркий свет.

Бремя автора

«На востоке медленно занимался рассвет. Только одна стена осталась стоять среди развалин. Из этой стены говорил последний одинокий голос, солнце уже осветило дымящиеся обломки, а он все твердил:

*– Сегодня 5 августа 2026 года, сегодня 5 августа 2026 года, сегодня...»*¹⁶ – внезапно громко продекламировал он и захлопнул книгу.

– Опять? – она подняла голову от вязания.

– Опять, опять, опять, снова, снова, снова! – раздраженно выкрикнул он, вскочил и стал мерить шагами комнату. Старые половицы жалобно заскрипели.

– Ну и что в этом такого... – миролюбиво пожала плечами она.

– Что? А то, что как только я что-то придумываю, как только придумываю что-то хорошее, красивое, замечательное, как уже оказывается, что это не только придумано, но и написано, и хуже того, опубликовано!

– Все уже украдено... до нас... – рассеянно сказала она, пересчитывая петли.

– Да, до нас! Точнее, до меня!

– Но насколько я помню, когда-то это мало кого останавливало. Вспомни, сколько исков было по поводу плагиата,

¹⁶ Р. Брэдбери. «Будет ласковый дождь».

судов, скандалов...

– Мало кого, но не меня. Я никогда так не мог – и не могу сейчас. Тем более, сейчас!

– Почему тем более? Почему тем более – сейчас?

– Не знаю. Не знаю, не знаю, не знаю... – он схватился за голову. – Просто не могу. Просто знаю, что так сейчас нельзя. Нельзя.

– Но кто об этом говорит? Кто сказал, что нельзя?

– Я сказал.

– Никто не узнает, даже если ты напишешь «Одиссею»!

– Ты плохо меня знаешь. «Одиссея» никогда не была моим любимым произведением.

– Ну, не ее, так что угодно, – она снова пожала плечами. – Хоть перескажи сказку о Спящей Красавице! Причем теми же самыми словами. Никто, никто, никто ничего не узнает!

– Зато об этом буду знать я. Я! Я буду знать это! Я – самый привередливый свой читатель. Я буду знать и не смогу простить себя за это!

– Тяжелое бремя автора, – усмехнулась она, начиная новый ряд.

– Именно так, – кивнул он. – Именно так.

– Но когда же автор разрешится от бремени?

– Когда он поймет, что ребенок не родится мертвым.

Она покачала головой, думая о чем-то своем:

– Не «поймет», не «поймет»... а «начнет надеяться»... Но эта надежда... эта надежда...

Она резко замолчала и склонилась над вязанием, пряча лицо.

– А у меня нет даже надежды! – он стоял к ней спиной

и ничего не заметил. – Я вижу, вижу, вижу... Все дети уже родились, но у других. У других!

Она помолчала. Затем глубоко вздохнула.

– Но зачем тогда все это? Зачем тогда тебе писать? Зачем тогда пытаться найти что-то новое?

– А вот ты? – повернулся он. – Зачем ты вяжешь? Я же знаю, я же видел, что ты распускаешь петли, как только приближаешься к окончанию.

– Вот потому, что «Одиссея» никогда не была твоим любимым произведением, поэтому и не понимаешь.

– Я не настолько темен, чтобы не знать ее, даже если и не люблю. Пенелопа распускала ткань, чтобы оттянуть время до появления Одиссея. Она ждала его. И не хотела уступать женихам. А ты?

– Я тоже жду.

– Кого?

– Людей.

– Зачем?

– А зачем Пенелопа ждала Одиссея?

– А кому ты не хочешь уступить?

Он не ответил.

– Призраки, призраки, призраки... – тихо сказала она. – Даже сейчас все эти призраки авторов. Даже сейчас...

Он не ответил.

– Никто не узнает, – сказала она. – Они не узнают. Другие не узнают. Никто. Ничего. Не узнает.

– Я знаю, – печально сказал он. – Я знаю. Я знаю, что просто не успел это придумать. Они – успели. А я нет. Я опоздал придумать. Просто опоздал.

– Придумай заново. Придумай чуть по-другому. По-другому.

– По-другому я не могу. Я придумал именно так. Тоже – так.

– Но почему не хочешь попробовать иначе?

– Потому что иначе – это не так, как я хочу. Не так, как я хотел с самого начала. Не так, как я придумал в первый раз. Это будет мертвое, мертвое с самого начала.

– Но даже если ребенок... мертв... его же все равно нужно... извлечь, – с трудом, запинаясь, сказала она.

– Мне негде хоронить своих мертвецов, – ответил он.

– К твоим услугам весь мир.

– Я не могу, – покачал головой он. – Может быть, раньше... Но сейчас – не могу. Сейчас – нельзя.

Она промолчала.

Он вышел на балкон.

С высоты двадцатого этажа город казался игрушечным макетом, позабытым заигравшимся неряшливым ребенком. Где-то там, в деревьях, нервно щебетали птицы, кто-то, – ему не было видно, наверное, собака, – мелкой вальяжной трусцой перебегал дорогу, а с севера, заслонив собой уже почти все небо, шла огромная черная туча.

*– Будет ласковый дождь, будет запах земли.
Щебет юрких стрижей от зари до зари, —*

медленно произнес он.

Туча надвинулась над головой, вплотную, кажется, еще чуть-чуть, и она расплющит здание, сомнет его, вдавит в землю.

– И ни птица, ни ива слезы не прольет... —

тише сказал он, спрятав за вздохом следующую строчку.

Крупные капли ударились о перила перед ним, забарабанили по мостовой внизу. Он скорее понял это, чем услышал или увидел. А потом весь мир вокруг исчез за плотной и грубой занавесью ливня.

Он стоял еще долго.

И молчал.

Потом шепнул совсем тихо, словно боясь разбудить кого-то:

*– И весна... и Весна встретит новый рассвет,
Не заметив, что нас уже нет...¹⁷*

И ушел обратно в дом.

¹⁷ С. Тисдэйл. «Будет ласковый дождь».

* * *

Ливень шел всю ночь.

Грунтовые воды поднялись, и без того дышавшая на ладан арматура не выдержала. Фундамент лопнул, разорвавшись на десятки частей, словно что-то, доселе спящее в его недрах, проснулось и растерзало его.

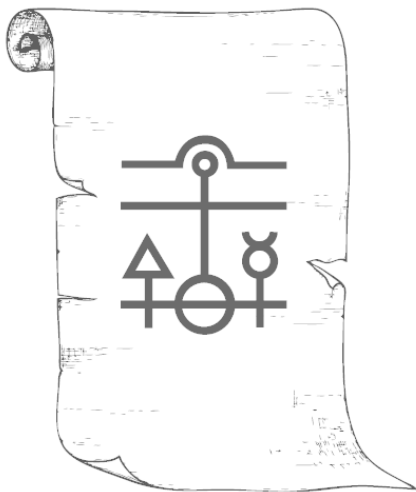
Миллионы трещин покрыли странно прекрасной сеткой бетонные панели. А потом расцвели гигантскими черными цветами.

И дом, в одной из сотен пустых квартир которого уже сорок лет жили двое последних оставшихся на Земле людей, рухнул.

* * *

На востоке медленно занимался рассвет. Только одна стена осталась стоять среди развалин. Из этой стены торчал одинокий, обугленный до клочка, листок бумаги, и когда его осветило солнце, то можно было прочесть, – если бы остался кто-то, кто мог прочесть! – одно-единственное слово:

«сегодня...».

...и найти спасение...

...ты увидишь, как философский камень – наш царь, который превышает других властителей, – появляется из стеклянной гробницы, поднимается с ложа и выходит на арену мира, возрожденный в славе, в высшей степени совершенный. Полупрозрачный, как хрусталь, плотный и очень тяжелый, он легко плавится на огне, как смола, и течет словно воск, превосходя даже ртуть, он легко проникает в плотные

твердые тела, и хрупок, подобно стеклу. Он неуничтожим, огнестоек, как саламандра. Он справедливый судья, вопиющий «Я обновлю всё и вся!»

Генрих Кунрат, «Амфитеатр вечной мудрости»

На другом берегу

*Я кричу, будто камни кидаю слова.
Знаю я, что мне не докричаться
До другой стороны холма...*

Группа «Урфин Джюс»

Нас разделяют полсотни метров, не более. Так близок и так бесконечно недосягаем сейчас левый берег коварной реки, из-за которой нам не стать частью Тумерианской конфедерации. Она, воплощением всех земных грёз, оказалась отрезана после слишком сильного паводка, при котором Рубикон изменил своё русло. Тут-то и проявился педантизм тумерианцев. Потому что Соглашения – сначала торговое, а после и политическое, содержащее полный список территорий, ставших вассальными Тумера, – изменить уже было нельзя. И обширный участок суши, образовавшийся в широкой излучине реки, где впоследствии возник Посёлок Изгоев, оказался вне всяких географических карт, составлявшихся на момент принятия соглашений.

Мы теперь белое пятно на карте. Правда, здесь нет никаких драконов. Вместо них – бессмысленность. Вот прямо сейчас бессмысленным было то, чем занималось всё население поселка.

– Эй! Неудачное время для размышлений! – отвлёк меня голос старосты посёлка.

Голос, потерявший властность и напор. Теперь это был какой-то птичий клекот и усталое сипение. Но я всё равно согласился. Действительно, не то время, совсем не то. Все мы выбрали неудачное время, ещё когда первые лемехи коснулись жирных, богатых удобрениями речных наносов. А ведь поначалу всё казалось возрождением нового Междуречья. Месопотамии. Нашей земли. Мы и были последним осколком цивилизации, незамутненной никакими клятвами перед всемогущей звёздной расой. Пусть даже они принесли в наш мир покой и благоденствие.

Не то время...

Пламя уже не просто плясало бликами на взмокших лицах, оно ревело, металось огненными смерчами вдоль опустевших улиц, жарко целуя деревянные стены и упиваясь собственной неукротимой мощью. А совсем рядом лениво плескалась темная речная прохлада. Вот только она наполнилась лиловыми всполохами, и мы черпали их и несли туда, к поселку, чтобы отражение огня встретилось с самим огнем. Но только всё напрасно.

Уже легли в сторонке пятеро угоревших, и вовсе не факт, что им доведётся увидеть рассвет. Не спасало ничего: ни вымоченные в бочке ватники, ни марлевые повязки на лицах. Люди трудились молча, со странным остервенением об-

реченных. Люди устали. И пусть в глазах уже не осталось той решимости, что присутствовала несколько часов назад, пусть в руках почти не осталось силы, а спина сгибается до самой земли под тяжестью полных вёдер, никто не ушёл! Никто не ступил на арку моста, связующей нитью перекинувшегося на ту сторону реки. Возможно, нам было просто стыдно. Не перед Конфедерацией, о нет! О них сейчас думалось меньше всего. Стыдно друг перед другом.

Ведь не сдались же мы, когда эпидемия гриппа выкосила почти всех младенцев в посёлке, когда наводнение уничтожило все запасы семян, заготовленных для посева. Да мало ли было всякого... Если сделать это сейчас, если сдаться, то едва ли мы сможем после обмениваться взглядами так, как делали это каждое утро, на каждом празднике, с того момента, как приняли решение остаться здесь, на ничейной земле, в Посёлке Изгоев.

Плача детей совсем не слышно из-за звериного рыка пламени. Хотя мы и знали, что детям уже ничего не угрожает, всё равно это было кстати. Теперь не приходилось оглядываться каждый раз, когда они начинали визжать как резаные, стоило обрушиться какой-нибудь очередной постройке.

Женщины, те из них, кто не был занят возней с малышами, старались не отставать от мужчин. Окраина уже давно превратилась в головешки. Там, где находились амбары и конюшни, схватка с огнём тоже была проиграна, хотя нам и удалось спасти тягловых лошадей и большую часть овечьей

отары. Теперь всё действие переместилось в центр, потому что если допустить пламя за утрамбованную площадку перед деревянным срубом храма, то можно не сомневаться, – огонь уже не сдержать. И он пойдёт гулять по другой стороне посёлка, сотворив то, что уже проделал с южной окраиной. Попросту сожрёт, превратив дома в чёрные обугленные скелеты с торчащими из-под груды золы и пепла кирпичными печами. Теми самими, в которых мы пекли вкусный ржаной хлеб и которые хранили долгими зимними ночами совсем другое пламя. Ласковое, доброе, нужное.

Не могло, никак не могло пламя, съедающее сейчас посёлок, быть родственным тому огню, что играет в тёплых печах! Или мерцающему огоньку костра, возле которого кружат хороводы и в котором можно напечь хрустящей картошки с корочкой, покидав её потом из ладони в ладонь.

Не могло. В это нельзя было сейчас поверить. В это и не верилось.

Мысли, плавающие в черепной коробке от близости нестерпимого жара, путались. Но вряд ли они вообще были уместны здесь и сейчас. Может быть, когда-нибудь потом, когда всё закончится... Главное сейчас – не думать. А хватать, оттащить, тянуть крюками, бежать, плескаться из вёдер, словно мелко плевать в рожу огненному сумасшедшему ублюдку, продолжавшему ухмыляться и прятать где-то там, в слепяще-оранжевом нутре, лик смерти. Этот ублюдок в любой момент готов был явить его кому-нибудь из зазевав-

шихся. Искры слепящим роем носились в горячем воздухе, лёгкие распирал надрывный кашель, а руки покрывалась всё новыми и новыми волдырями.

Так продолжалось до тех пор, пока – даже не заметив как, – я очутился лежащим на земле, прижимающим руки к горлу, царапая его, пытаюсь хоть как-то облегчить дыхание.

– Спокойно! Спокойно, – кто-то по приказу старосты уже обмахивал меня мокрым полотенцем, а сам староста стоял чуть поодаль, сложив руки козырьком над седыми бровями, внимательно осматривая происходящее вокруг.

– Всё... всё в порядке, – хотел громко сказать, но отчего-то лишь прошептал я в ответ. – Помогите встать.

Староста на секунду отвлекся, бросив на меня удивленный взгляд.

– Уверен?

– Да... Увв... – я попытался подняться. – О Господи! – в следующую секунду я рухнул словно подкошенный, под ноги подростка, который не смог меня удержать.

– Ну, вот что... Тащи его к воде, угорел он, копотью надышался, пусть полежит, отдышится...

Подросток, повинувшись приказу старосты, подхватил меня под мышки и поволок прочь от бушующего огня и едкого дыма. Я пытался сопротивляться, но у меня ничего не вышло, потому что голову туманило, подступающая тошнота не позволяла ни на чём сосредоточиться, разве что на тупом перебирании ногами.

Юноша, это был сын нашего кузнеца, оставил меня у самой речной кромки, заботливо подложив под голову перевязанную в узел рубаху. И только после его ухода, после того, как меня вывернуло несколько раз наизнанку приступами тошноты, и я основательно проблевался в пробегавшие мимо лица волны, я вновь обрёл способность размышлять. И даже сумел чуть приподняться, чтобы взглянуть по сторонам.

Вряд ли стоило сейчас думать о том, что послужило причиной пожара. Детская шалость, чей-то недосмотр. После. Всё – после...

Если, конечно же, это «после» настанет.

Только теперь, касаясь распахнутым ртом воды, я смог ощутить усталость, накопленную за несколько бесконечных часов борьбы с огнём. Поэтому вид умирающего в огненных корчах посёлка ещё не достучался, видимо, до сознания, и воспринимался как-то отвлеченно, будто со стороны.

Но стоило повернуть голову, как взгляд утыкался совсем в другую картину. В другой мир, в другую, лёгкую жизнь.

Прямо за рекой, близко, так близко, что даже не стоило особо стараться, чтобы переплыть, плавными линиями спускался к реке светлый, искрящийся совсем другими, веселыми и яркими огнями, Южный Карфаген, город Конфедерации. По расцвеченной набережной гуляли такие же, как мы, люди. А выше, по кольцевой дороге, окаймлённой диковинными растениями, сновали быстрые автомобили. К мо-

ему изумлению, там мало кто останавливался, на той стороне, чтоб посмотреть, – что же творится на другом берегу? Нарядные прохожие, лица которых было легко рассмотреть, проходили мимо, словно не замечая, что совсем рядом к кому-то, пусть даже обитающим в Посёлке Изгоев, пришла большая беда. Нас считали отщепенцами и даже тронутыми, таким лепрозорием для глупцов с проказой в сознании. Кто же ещё был способен отказаться от даров Тумера?

На том берегу пыхали ярко-красным гигантские, в рост человека, розы, а над рекой высилась острая стела, памятник, установленный в честь вечной дружбы с тумерианцами. И словно в издевку, рядом с площадкой, где был сооружен памятник, красовалось новенькое, из бетона и пластика, здание пожарной команды.

Сквозь прозрачные плексигласовые ворота угадывались очертания огромных красных машин. По-видимому, где-то поблизости находился один из химических заводов Тумера. Из тех самых, универсальных. Шампунь и мыло, дорогая парфюмерия, вкусные напитки и красиво упакованная еда – всё сразу производилось на этих заводах из одних и тех же ингредиентов.

То, что их дети едва ли не через одного имели генные дефекты, а взрослые с каждым потребленным деликатесом огребали охапку диоксидов и невыводимых из организма синтетических добавок, вовсе не смущало жителей города. На этот случай Тумер подарил им отличную фармакологию,

производящую всякие лекарства в огромных количествах.

Да, разумеется, срок жизни среднестатистического обывателя города сократился на верную дюжину лет. Но это считалось разумной платой за удобства и комфорт, что принесли звездные коммивояжеры, добравшиеся наконец-то до старушки Земли и предложившие эрзац-рай, завёрнутый в броскую дармовую обёртку. По крайней мере, так считали у нас, в поселке. Возможно, мы просто пытались оправдать своё решение отказаться от всех этих благ, а ещё вернее, у каждого были на то свои причины. Возможно, мы стремились к независимости, как стремятся к ней подростки в известном возрасте, не слушая никаких доводов рассудка.

Вот только в мире, что на том берегу, стремиться уже некуда. Земля превратилась в огромный тумерианский супермаркет, где не было места ничему, что считалось когда-то ценностями.

Музыка? Живопись? Устарели. Теперь вместо них – унифицированный набор программ для артсинтезатора. Любовь? – Тщательно продуманный перечень вопросов, разрешаемых при составлении брачного контракта, прейскурант на все её виды с точным указанием времени и продолжительности. Контролируемый и полностью изученный благодаря тумерианским технологиям биохимический процесс в коре головного мозга.

«Наслаждение жизнью есть высшая цель любой нации, любой расы, любого индивидуума...»

Так гласит один из принципов, принятых в качестве новой конституции Конфедерации. А дорога к звёздам оказалась закрытой. Навсегда.

А зачем вам? Ведь появилось всё, о чём раньше можно было только мечтать. Но соглашались не все, иначе не было бы и нашего поселка. Была и другая точка зрения. Сколько нужно времени, чтоб из дикого зверя сделать полностью одомашненного, ручного зверька? С коровами, лошадьми и собаками человеку удалось управиться за сотни тысячелетий. Тумерианцы изменили всё лишь за два поколения.

Вам нужны новые сонаты Бетховена? Прелюдии Вагнера и скрипичные увертюры Вивальди, чтоб слушать их под лунной? Пожалуйста! Вот оно, и даже лучше! Новый ремикс, удивительное качество звучания, куда там древним сабвуферам! А вот и Луна, сверкающая ёлочной гирляндой, она стала размерами поменьше, зато расположена существенно ближе, в итоге – никакой визуальной разницы. А старую Луну тумерианцы уволокли на переплавку. Что-то там полезное для них обнаружилось. Никто не против.

Ах да! Всякие там приливы-отливы...

Ну, а зачем они, собственно?

А действительно, собственно – зачем?..

Киты – непозволительная роскошь. Корсеты давно не делают из китового уса, это, во-первых, немодно, во-вторых, непрактично. Ну, а в-третьих, сдохли все киты. Нет их больше. Не выдержали их дыхала нового топлива, на котором хо-

дят толпами по океанам грузовозы с мегатоннами дешевого барахла. А всякие благовония – вот, пожалуйста, химический конструктор «Коко Шанель. Сделай сам». Или лаванда горная. Вырастает прямо в ретортах. Я не говорю уже о продуктах из пластика, о самонадевающемся белье, саможующихся пряниках и прочем.

А впрочем...

У нас в поселке лаванды нет вообще никакой. С бельем тоже проблемы, со стороны можно подумать, ходим в рванине, хотя это такие накидки изо льна. На большее нас пока не хватает. Не хватило. Не хватало.

За спиной всё так же швырялось бликами по воде пламя. Поредевшая цепочка чумазых от гари людей продолжала бороться за существование посёлка. Может, это и есть последний шанс целой цивилизации? Шанс, уместившийся на крошечном клочке случайно возникшей суши? И вот он сгорит без остатка. Скоро не останется иного выхода, кроме как перебраться через нарочно построенный мост. Туда. На другой берег.

Потому что мы проиграли.

Эх, сюда бы хоть одну пожарную машину с того берега! Всего одну! Пятнадцатиминутный залп водомёта превратил бы всё происходящее просто в дурной сон, а то, что сгорело, мы отстроим заново. И вновь будем перебирать и взращивать злаки, собирать по утрам молоко в подойники, петь свои бесхитростные песни. Очень хочется надеяться, что не

сгорела старая, с потрескавшейся декой, гитара старосты.

Я понимаю, что в поселке, как и на том берегу, всё не так. Не так, как нужно. Не всё правильно. Что-то должно быть посредине. Но что? Мы ещё не знаем. И вряд ли успеем узнать, потому что нет у нас большой красной машины с мощным насосом, а старый пикап Карла вот уже третий год ржавеет ненужным хламом под открытым небом. Значит, не будет никакого водомётного залпа. Ни на пятнадцать минут, ни на пятнадцать мгновений.

Мысли лезли и лезли. Чёрт! Чёрт! Чёрт! Мы, изгои, думали сохранить человечность, не позволив ей раствориться во вседоступности, которую предлагала Конфедерация. Неужели на самом деле вышло, что мы просто опускались на какое-то вязкое патриархальное дно, окруженные со всех сторон презрением? Потеряли будущее и уходили из своего настоящего в прошлое...

– Ну, что? Приятно смотреть? – крикнул я, обращаясь к шестерым пожарным на другом берегу, которые были, пожалуй, единственными сторонними зрителями. Наверняка они просто должны следить, чтобы огонь как-то там не перекинулся на другой берег. Ветер, искры, щепки, да мало ли...

Естественно, мне никто не ответил. Естественно, я и не ожидал ответа. Для конфедератов мы не более чем бельмо на глазу. Эдакие мазохисты, занимающиеся самобичеванием, самолично наложившие на себя суровую епитимью. Ну что ж, выкручивайтесь, как можете, вот вам и подходящее

испытание. Так думали сейчас все, кто видел пожар в поселке. И наверняка радовались, что вот-вот исчезнет этот нелепый упрёк перед лицом Большого Звёздного Брата, дарившего самые яркие игрушки. Не исключено ещё, что нас просто не захотели больше терпеть, а потому – пожар. Вот как я думаю.

– Интересно, смогут они с того берега достать из брандспойтов? – раздался над самым ухом вопрос.

– Эти, что ли? – я обернулся. Пожал плечами. Всего-то ещё один пострадавший, пришедший к реке. – Даже запросто. Только кто ж им позволит? Пожарными автомобилями наверняка распоряжается какой-нибудь хлыщ, который и пальцем не шевельнёт, чтоб нам помочь. А без машин... Даже если сильно захотеть...

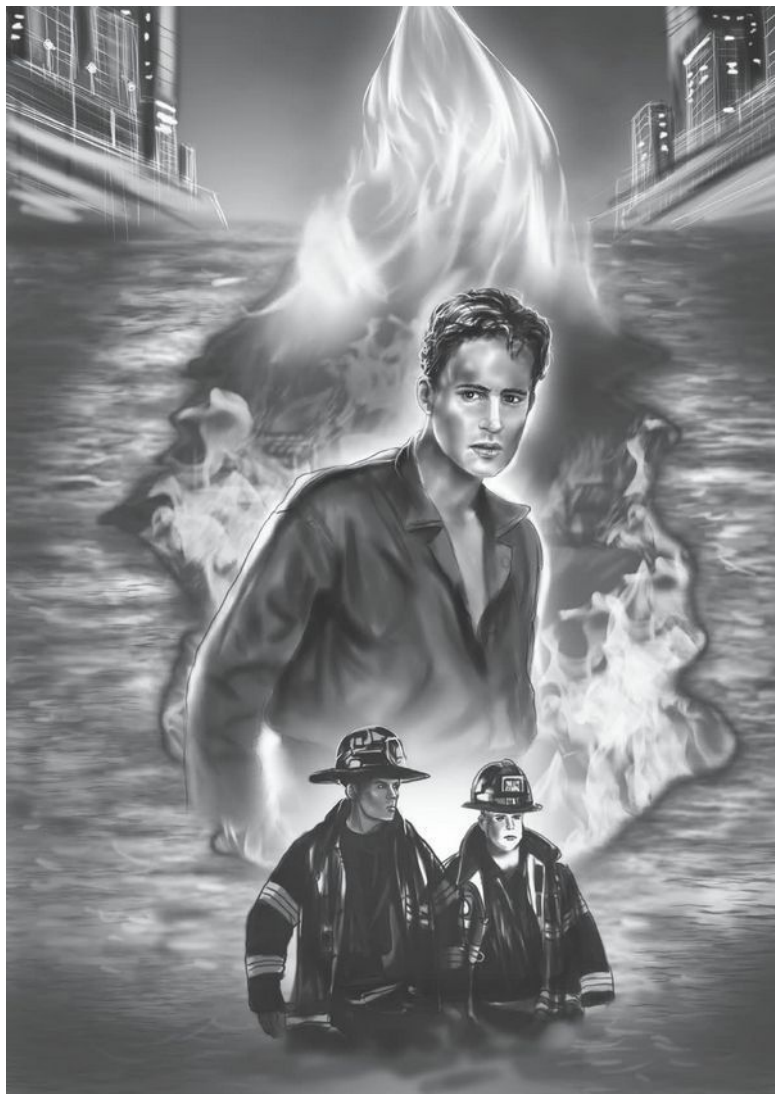
– Интересно, почему? – в голосе говорившего не было ни особого любопытства, ни желания знать правду.

Только усталость и обреченность.

– Потому что тот, кто окажет помощь Посёлку Изгоев, сам станет изгоем. Это у них такой закон. Вот, смотри, стоит нам обратиться к этим самодовольным молодцам в сверкающих шлемах, как они начинают отворачиваться, – со злостью сказал я, помахав руками над головой.

И точно, все шестеро пожарных, словно по команде, тут же отвернулись, рассматривая теперь якобы с жутким любопытством стрекотавший вдали вертолёт для увеселительных прогулок.

– Сволочи, – с проснувшейся убежденностью проговорил собеседник и смачно сплюнул сквозь потрескавшиеся губы.

Длинная капля слюны осталась висеть у него на подбородке, но он этого не заметил. А ещё он не заметил того, что плачет. Без печали, без гримасы горя, только слёзы чертили две светлые дорожки на темном, завеянном гарью лице.

– Да брось ты. Правила игры известны, чего уж теперь...

– Сволочи! – ещё раз повторил он, обтираясь кроващей ладонью.

Сзади вдруг раздался сильнейший треск, а за ним – женский крик, леденящий душу даже среди сплошного жара.

Ого! А ведь там стряслось что-то серьёзное! Не сговариваясь, мы вдвоём кинулись к сгорающему посёлку.

Ну, так и оказалось! Огненным вихрем подхватило какую-то балку, и она рухнула прямо на поселкового библиотекаря. Теперь его дальнейшая судьба зависела от доктора. Но тот стоял рядом, беспомощно отводя взгляд. Наш доктор – дантист. Это, конечно же, лучше, чем ничего, но вот с такими ранами он не умел справляться, как не умел справляться со многим другим.

Ещё одна жертва. Ещё одна невосполнимая в будущем потеря.

Эвелина, жена погибшего, металась по сторонам, издавая не то вопль, не то вой.

– Это всё ты! Ты его убил! – кричала она, размахивая руками, на старосту. – Ты и поганый посёлок! Если бы ты... Вы... Если бы мы не были такими упрямыми, ничего не слу-

чилось бы!

Все молчали, даже работа остановилась.

– Эвелина. Ты права, – неожиданно для всех ответил староста.

Среди толпы пронёсся осязаемый ропот. Даже шум пожара не скрыл его. А староста продолжал говорить:

– Слушайте! На этот раз нам не выстоять. Нам просто не хватит сил. Поэтому пусть те, кто считает всё это, – он сделал широкий жест рукой, – напрасным, перебираются через мост на другой берег.

Ответом было всё то же молчание. Многие понимали его правоту, другие даже боялись принять сказанное к размышлениям. Но все знали одно, – потеря библиотекаря невосполнима: ведь он, похоже, знал всё и обо всём, он мог часами колдовать над своими книгами, а потом выдавать нам верные ответы на любые вопросы. А теперь – ни библиотекаря, ни книг. Его супруга, истратив запас крика, опустилась на колени и, похоже, собиралась так стоять до скончания веков, превратившись в обелиск своей же потере. И только тогда некоторые взгляды обратились к мосту. Пока ещё коротко, будто оценивающе. Но продлись ещё немного, ещё чуть-чуть это тягостное молчание, и взглядов станет больше. И будут они совсем другими. Там может оказаться намного меньше сомнений.

Но такая минута не наступила. Кто-то более решительный схватил ведро и плеснул далеко вперёд себя. Этот жест под-

хватили и повторили остальные. Вскоре вновь образовалась цепочка, по которой побежали вёдра и лейки, бидоны и чайники. К нам вернулась Надежда. А после произошло и вовсе невероятное...

– Смотрите! – воскликнул кто-то, и все обернулись. И застыли.

С другого берега, по мосту, шли фигуры, затянутые в чёрную униформу пожарных Конфедерации. Не все шестеро, что смотрели с той стороны, нет. Двое.

Им не было дороги назад. Знали ли они? Думали об этом? Тогда было не понять. Но в их сверкающих касках уже отразились огненные сполохи.

Потом один из пожарных снял свой шлем с головы, нагнулся, зачерпнул им речную волну и протянул дальше, чтоб передали по цепочке...

Нет места лучше...

– И вот для чего вам нужно развивать левую руку... – назидательно начал я, приняв боевую стойку.

Пара ламп в этом коридоре тридцатого уровня перегорела, еще часть еле-еле светила, поэтому курсанты, стоящие передо мной, сливались в единое многоликое существо, часть которого скрывалась в темноте перехода. Мне стало неудобно. Конечно, здесь, в Нижнем Городе, не могло водиться никаких чудовищ. Тут и люди-то были все наперечет и по списку, и даже каждого дождевого червя знали и в лицо и в ж... в общем, знали. Но сейчас что-то древнее, хтоническое, не поддающееся никаким анализам и не руководимое здравым смыслом, накатывало на меня. Словно в моей крови разом завопили предки, которые тысячелетия назад, сжимая в волосатых лапах сучковатые дубины, с опаской заглядывали в пещеры, где жили дикие звери и непознанные враги. А уж то, что мы сейчас, по сути, окружены этими пещерами, наверное, вообще противостоит природе...

Я сглотнул. В кармане лежал блистер с таблетками на случай подобного панического страха, их выдавали всем жителям Нижнего Города, но мне не хотелось позориться перед юнцами. Пусть я и старше их лишь на десяток лет, но мой статус не позволяет допустить даже возможность «страха коридоров».

Поэтому я передвинулся ближе к свету и снова принял стойку. Не обошлось без доли пафоса, но спишем на то, что ребята видят ее в первый раз.

Один из курсантов смущенно кашлянул и сделал неловкий жест.

– Ну, или правую, для левшей, – поправился я. – Не суть важно. Итак, основной рукой совершаем обманный маневр, якобы проводя хук, а другой в этот же момент вырываем из стены морковь – оп! – и втыкаем ее сопернику в глаз.

Я сделал выпад, и воображаемый противник был так же воображаемо повержен.

Курсанты восхищенно загудели и зааплодировали. Я с притворным смущением поклонился. Что ж, раньше, будучи инженером, подобного успеха испытать не пришлось, так почему бы не насладиться им сейчас? Страх начал постепенно отступать. «Позитивные эмоции, – мысленно отметил я. – Позитивные эмоции, видимо, активизируют выброс гормонов, которые нейтрализуют химические процессы, вызывающие чувство страха. Эндорфины или как-то так. Надо сказать доктору Берку, лишним не будет».

Курсанты рассредоточились, насколько позволял тесный коридор, и стали пытаться повторить прием. Повсюду слышалось чпокание выдергиваемых из плотных стен корнеплодов. Эдак они всю делянку попортят!

– Всё, все свободны, следующее занятие послезавтра, – деланно утомленно махнул я рукой и смачно откусил кусок

моркови. На зубах омерзительно закрипела земля. Я скри-
вился, сплюнул, сунул трофей в карман и отправился в бюро.

* * *

Защелка пневмопочты чпокнула, и на мой стол упал свер-
нутый в трубочку лист. Ну вот, как раз утром закончились
профилактические работы по прочистке терминалов, и уже
послание. Странно, ведь месяц как в этом секторе наладили
телефонную связь. Проще позвонить, чем возиться с пнев-
мопочтой, которая то и дело норовит то засориться, то пе-
реслать отправление кому-нибудь другому, то вообще поте-
рять, словно и не было. Да, конечно, и с телефоном не все
было ладно. Перепутывались провода, срывались звонки, па-
раллельно были слышны разговоры других людей, но это
все-таки лучше и оперативнее, чем древняя пневмопочта.

Так что неудивительно, что меня несколько озадачило это
послание. Но, памятуя, что люди с трудом приспособлява-
ются к новым условиям, – а ведь когда-то многим потребо-
вались годы, чтобы отвыкнуть от телефона и привыкнуть к
пневмопочте, и вот теперь все заново! – решил не обращать
внимания.

Осторожно, – ведь именно такого типа письма мне еще
никогда не приходили, – развернул его, запоздало сообразив,
что надо бы надеть перчатки, черт знает, вдруг каким ядом
пропитано, – и тут же одернул себя, проклятого параноика,

начитавшегося справочников по криминалистике. Ну а что, ускоренная переподготовка и перепрофилирование не всегда проходят гладко.

«В батве завились вридители, – было выведено на пожелтевшем листке неуклюжими печатными буквами. – Корнеплоду угрожают чирвоточины».

Я чертыхнулся. А ведь считалось, что время таких писем прошло уже лет тридцать как! В те-то годы не только предупреждений об угрозах было в избытке, – в том числе и фальшивых, каюсь, сам грешен, хотя что взять с ребенка, – но и нападения на рабочих, подрыв котлованов, саботаж и вредительство на самом деле имели место. До тех пор, пока не ввели самосуд и смертную казнь. Времени тянуть с юридическими закавыками все равно уже не было. Потом поутихло. Так, раз в пару-тройку месяцев какой-нибудь окончательно сорвавшийся с катушек житель Верхнего Города начинал бунить, ломиться в люки или подкладывать петарды к выходам. Конечно, теперь это не представляло для нас серьезной угрозы, только прибавляло головной боли дежурным смотрителям за люками. Но все равно подобные поползновения нужно пресекать, давить в зародыше. Да и вообще, в последние пару лет было подозрительно тихо, наземники практически не доставляли нам беспокойства. Готовятся, что ли, собираются с силами для последней попытки прорыва вниз?

Хм, может быть, это донос по поводу именно этой попытки? Червоточины... Странно знакомое название... кажется,

именно так называли лунки, в которые вкладывали тротилловые шашки. Ох, и нехилый фонтан земли тогда поднимался! Десятилетнего пацана, коим я был, это весьма впечатляло.

Но вернемся к делу. Что это? Неужели целая террористическая группировка? Да еще и с внедрением в Нижний Город? Черт, как нехорошо...

Я повертел в руках послание. Обычная бумага. Не местный суррогат из торфа, а та самая, из поры моего детства. Несомненно, отправитель из Верхнего Города. Более того, это обрывок страницы из какой-то книги. Я поднес обратную сторону к лампе. Полустертый шрифт, – сколько же лет этой книге? Тридцать, сорок? – еле читался: «Н.т ..ст. лу..е, чем .од.о. .ом». Тупик.

Только вот одна закавыка, точнее, еще одна, – пневмопочта уже много лет как связи с Верхним Городом не имела. После того, как оттуда начали стабильно сыпаться письма с угрозами, а также слезливые послания от родственников, что дестабилизировало местных и не давало работать, приемники наверху обесточили. Говорят, что они так и стоят, забытые под завязку, полные никому не нужных слов.

Я снова взглянул на письмо. Еще одна странность – ни исходного кода, ни перфорации. Великое изобретение – щадящий режим транспортировки, позволивший отказаться от капсул и контейнеров и пересылать документы и нехрупкие предметы без защиты. Плюс оборудованный марк-машинками терминал входа не пропускал ни одного посла-

ния не помеченным координатами блока-отправителя. Письмо-призрак какое-то, право слово.

Я потер подбородок, оставил листок в покое и выглянул в перископ. Разумеется, простые люди обходились смотровыми площадками, но один из плюсов должности лейтенанта службы безопасности заключался как раз в наличии перископа в кабинете. Хотя этот плюс будет существовать еще недолго.

Наверху было сумрачно. Уже полтора года как. Видимо, опустившись до определенной точки, небесная твердь стала препятствием для распространения солнечных лучей. А может быть, все испарения и выбросы, что копились в главном городе в течение веков, наконец-то спрессовались, оформились в нечто осязаемое и теперь заменяют там воздух и свет.

Я подкрутил увеличение и перевел перископ на главный город. Район небоскребов зиял полуразрушенными зданиями, как рот гнилыми зубами. Я даже смог разглядеть, как под напором небес осыпается один из этажей когда-то крупнейшего в округе офисного центра. Здесь, внизу, все перекрывал мерный гул работающих машин, наверху же, наверное, жили под аккомпанемент медленно разрушающегося мира.

* * *

Стенки лифта были из плексигласа, – не нужно тратить на дополнительное освещение. Я наблюдал, как передо мной

медленно и плавно проплывают ярусы. Бюро находилось достаточно далеко от поверхности. Официально – затем, чтобы как можно более оперативно реагировать на проблемы нижних ярусов, неофициально – чтобы в случае теракта наземников пострадать не сразу.

И поэтому я сейчас, прислонившись к стенке лифта и сглатывая, чтобы не закладывало уши, рассеянно следил за сменяющимися друг друга сельскохозяйственными ярусами, игриво обрамленными репой, картофелем и редисом; техническими пластами, где то и дело шныряли чумазные «кро-ты» и ненароком слепили меня фонарями, коридорами интернатов, по которым парами чинно вышагивали детишки в белых комбинезончиках... Все это напоминало мне кукольный домик моей сестры, – три этажа в разрезе, бесстыдно вываленные на всеобщее обозрение архитектурные потроха. Но иначе никак, клаустрофобия здесь хоть и весьма успешно подавлялась правильно подобранными лекарствами, людям все равно требовалась какая-никакая иллюзия открытого пространства.

* * *

– Джонни, гляди в оба, – наставительно сказал я парню у люка.

– А что, мистер, – хмыкнул он, – грозит чего?

– Ты давно выглядывал наружу? – спросил я. – Через год

сюда будут ломиться с воплями, мольбами, угрозами, тротильными шашками, коктейлем Молотова и прочими малоприятными вещами. Спроси у старого Питера, он тебе порасскажет, как это бывает. И уточни между делом, не помнит ли он, кто отгрыз ему левое ухо.

Парень судорожно икнул.

– Вот так-то, – покровительственно сказал я. – И не пропускай занятия.

– Вы думаете, если что, то морковки нас спасут? – уныло спросил он.

* * *

Наверху я сначала стравил из легких весь воздух, подождал десяток секунд, и только потом вдохнул полной грудью. Несмотря на то, что внизу удалось практически идентично воссоздать земную атмосферу, все равно некоторых погрешностей и примесей избежать не удалось. Ну, или дело было в том, что местный воздух испортился, – ведь не просто так висят эти вечные сумерки? В любом случае, от смешивания воздушных масс обоих городов начинала кружиться голова, и к горлу подкатывал комок тошноты.

На всякий случай проверил пояс. Да, револьвер и нож на месте. Кто знает, как местные нынче относятся к людям из Нижнего Города. Револьвер наш, как и светящийся порох, уникальная разработка, и ракетницей послужить может, и по

прямому назначению. Молодцы мы все-таки, не только город строим под землей да агрономикой занимаемся, а и в других областях науки и техники хватку стараемся не терять. Не зря нас отобрали, не зря. Я горделиво приосанился и, стараясь не особенно явно оглядываться по сторонам, направился к нужному дому.

– Кто там? – спросили из-за двери, когда я, отчаявшись получить ответ на свой стук, пару раз пнул ее ногой.

– Билли, это я, – вот же трус поганый!

– Кто «я»? – переспросили настороженно и чем-то лязгнули.

– Я, Марк, – и тише добавил: – Снизу.

За дверью заскреблись, и она распахнулась.

– Мы же вроде договаривались, что больше не будем, – с неудовольствием сказал Билли-Ящерица, вглядываясь в полумрак за моей спиной. – Правда, тут в последнее время спокойно, но мало ли что...

– Я один, Билли... – зло прошипел я, надвигаясь на него. – Дапусти же меня, в конце концов! У вас тут холодно и сыро!

– Вот, к слову о впустить. Вы мне так и не дали пропуск, – Билли в дверном проеме не сдвинулся ни на дюйм.

– Да вот он, бери, – чуть не добавил «подавись» я и сунул ему тонкую металлическую пластинку.

Билли с жадностью схватил ее и поднес к глазам.

– Ух ты! Наконец-то! Двадцатый ярус? Это как?

– Примерно как и здесь, – нехотя сказал я. Двадцатый ярус, конечно, не был трущобами, их мы заселять пока не собирались, со временем путем естественного отбора наполнятся сами, но и на фешенебельный не тянул. В общем, Билли ничего не терял, но и не приобретал. За исключением, конечно, жизни.

– Ну хорошо, хорошо, – кивнул он, тщательно пряча пропуск. – Ладно. Но последний раз. Несколько сложновато быть осведомителем, знаете ли.

Я молча отпихнул его и прошел в дом. Тут было гораздо теплее и суше, чем снаружи. И, конечно, светлее. Под потолком мерцала лампочка.

– Энергосберегающая, – усмехнувшись, указал на нее я. Билли развел руками.

– Какая была. У нас тут не до выбора, знаете ли.

– Как думаешь, успеет перегореть до того, как небо упадет на землю?

Билли снова развел руками. На беседу он явно не был настроен. Ну ладно, тогда перейдем к делу.

– Билли, что это? – я показал ему записку.

Он внимательно вчитался и пожал плечами.

– Понятия не имею.

– Билли, ты в курсе всего, что тут происходит. Тут какой-то заговор против Нижнего?

– Слушай, инженер...

– Я больше не инженер, я теперь в службе безопасности.

– Хорошо, службёз, но я все равно не имею понятия, о чем идет речь. Во-первых, что за бред: «корнеплод», «ботва»?

– Шифровка? – предположил я.

Мне не нравилось, что Билли уходил в глухое незнание. В конце концов, пропуск на проживание в Нижний Город – достаточно лакомый кусок, и его нужно заработать. Да, раньше Билли мне помогал, и достаточно активно, но вся эта помощь не будет стоить и ломаного гроша, если сейчас мы прохлопаем теракт.

Билли лениво пожал плечами:

– Зачем она тут?

– А как вы нас называете? – спросил я.

– Говнюки, – нехотя ответил он.

– Что?

– Ну, просто когда вы еще только начинали свои раскопки, отработанная почва была уж сильно похожа на кучки дерьма.

Я хмыкнул.

– Ну и вы, надо сказать, тоже не меньше на него смахивали, – тихо добавил он.

– Билли, ты теперь тоже среди нас, тебе ли жаловаться?

Он промолчал.

* * *

От осведомителя я вышел в растерянности.

С одной стороны, тот божился, что не имеет даже пред-

ставления, кто мог отправить мне это послание и о чем вообще может идти речь. Это могло означать как то, что это была всего лишь дурная шутка, так и то, что наш осведомитель уже вычислен и находится в информационной изоляции.

Я поднял воротник пальто повыше. Может быть, я отвык от поверхности и, конечно, успел забыть мелочи жизни на ней, но похоже, что климат действительно несколько изменился. Такая сырость, вода, сочившаяся словно отовсюду, и слизь, которая, казалось, покрыла меня всего, – были ли они раньше?

Я поднял голову. И как нынче далеко до верха? В прошлый раз небесная твердь была на высоте около двух миль. А теперь? Судя по тому, что я видел через перископ в главном городе, расстояние до земли уменьшилось втрое.

Небесная твердь опускалась на твердь земную.

Да, я знал, что это на самом деле силовое поле, невесть как, откуда и почему возникшее и вот уже двадцать лет сжимающее Землю. Сначала медленно, микрон за микроном, потом перешедшее уже на миллиметры, дюймы, – да к черту разницу в системах вычислений! – футы, метры, – сейчас я мог, как и многие другие, наблюдать, как рушатся здания города, откуда мы все были выходцами, откуда мы все бежали, как только треснули первые крыши. Фанатики, сектанты, которые активизировались в то смутное время, когда открылась страшная правда, прозвали это поле «небесной твердью». И вот мы уже называем его так же.

Я смотрел в перископ, а у тех, кто остался здесь, навер-ху, кто не оказался в числе переселенцев в Нижний Город, огромный подземный ковчег, – у них были места в партере на спектакль об умирающей цивилизации. В партере театра под названием Верхний Город. Забавная ирония судьбы, – кто мог подумать, что иерархия уровня жизни и возможности иметь будущее настолько вывернется наизнанку? Что Нижний Город станет желанной землей, – о да, именно что землей, ее-то там в избытке! – землей обетованной, а Верхний наполнится всяким недостойным жить сбродом? Тогда-то люди просто бежали по мосту через залив и возвели, – разве это слово сюда подходит? – город под землей. И городок наверху оставили как бытовку для строителей, как пристанище для неприкаянных, ненужных и бесполезных.

Я прищурил глаза и вгляделся туда, где когда-то находилось небо.

Там, внутри, – или это мы жили внутри, а там было снару-жи? – плескалось что-то янтарно-желтое. Плескалось и переливалось. Мне хотелось разбить твердь, как скорлупу, и коснуться этого янтарно-желтого, но я знал, что это невозможно. Ни рукой, ни пулей, ни ядерной боеголовкой – ничем было не проломить ее. Те ученые, что дотрагивались до нее, – это стало не так уж сложно сделать, когда она сдавила Альпы, – говорили, что это как приложить руку ко льду. Странно, ведь там, наверху, осталось Солнце, может, это оно и было тем янтарно-желтым?

А потом мы и ушли под землю.

Не все.

А только те, кто был достоин. Всегда же кто-то достоин больше других, не так ли?

Я медленно обвел взглядом окружавший меня город. Справа и слева в проулках клубилось черное марево. Туман, влага, пыль, слизь, дым, что это? Тускло мерцали вывески на соседней улице, дрожали огоньки в окнах, – несмотря ни на что, люди продолжали жить. Надеялись ли они на что-то? Вряд ли. Я слышал, что уже несколько лет как прекратились церковные службы. Город впал в спячку, оцепенение, медленное ожидание гибели. Что ж, ничего другого им и не оставалось.

Но я знал, что это оцепенение обманчиво. Я знал, что в тот момент, когда настанет агония, когда между землей и твердью останется не более пары футов, все они, все те, кто сейчас делает вид, что всё в порядке, будут скрестись в наши люки, просить и умолять, чтобы их впустили, грозить карами небесными – ха-ха! – и проклиная, проклиная, проклиная.

* * *

– Зачем ты пришел? – тихо спросила она.

Я смотрел в сторону и задавал себе тот же самый вопрос. В зале театра было темно и пахло мокрым деревом. Мы сидели

на соседних рядах, развалившись слишком небрежно, затаив дыхание слишком напряженно.

– Да так, есть дело в вашем городе, – наконец, нехотя выдал из себя я.

– Я имела в виду, зачем ты пришел ко мне?

– Мне кажется, что родственные узы предполагают это, – пожал я плечами.

– Родственные узы предполагают не предавать друг друга, а не эти мелочи, – покачала она головой.

– О, ты опять начинаешь! – я всплеснул руками. – Ты же знаешь, что я всего лишь подчинился правилу. Мы все приняли его. Из всей семьи – только половина. Из близнецов – только один.

Она кивнула, не глядя на меня.

– Ну да, верно. Ты инженер, я актриса. Кто будет более ценен в новом мире?

– Я слышал, что в России наоборот, – сказал я, стараясь смягчить разговор и увести его в сторону. – Что там выбирают самых ценных и отправляют вместе с семьями.

– Возможно, в этом есть определенная логика, – кивнула она. – Хотя не мне об этом судить. Это ведь ты там, а не я. Как оно? Получилось ли создать семью из избранных?

– Нам не до того, – уклончиво ответил я.

– Рабочие муравьишки. Милые, славные рабочие муравьишки. Топ-топ-топ.

Я кисло усмехнулся.

– Когда-то, – господи, кажется, что прошла целая вечность! – я читала в учебнике, что некоторые виды муравьев закупоривают ходы в муравейники своими головами. У них в процессе эволюции появились такие наросты на лбах, – она показала рукой. – Как крышки люков. Скажи, Марк, а у вас они тоже вырастут?

– Ты слышала новости? – перевел я разговор.

– О чем именно? Если о том, что вчера в главном городе раздавило двухсотый этаж «Икарико», то мы не только слышали это, но даже и видели.

– Нет, я про новости из Японии.

– Марк, вы так любезно поделились с нами динамомашинами, – подозреваю, что теми, которые были вам уже не нужны, но все равно спасибо, – но забыли дать нам радио и телеустановки. Те, что в главном городе, уже разрушены. А мы, когда переселялись сюда, как-то не ожидали, что собственные родственнички пожопаются нам на автономии.

– Миранда, ты стала выражаться.

– Любезный братец, я даже курить стала. Однако отмечу, что это я тебя старше, и поэтому твои нравоучения могу пропустить мимо ушей.

– На восемь минут, – уточнил я. – Но так вы ничего не знаете про Японию?

– Мне кажется, что я уже дала это понять, – пожала она плечами. – Что там? Массовое харакири?

– Да нет. Наверное, нет, – неуверенно сказал я. – Просто

они решили не закапываться в землю, а построить город-убежище под водой.

— А, это-то я помню, — кивнула она. — Сомнительная затея, как мне кажется.

— Ну, их ученые придерживались иного мнения, — покачал головой я. — И, судя по радиопередачам, японцы были весьма довольны тем, как у них все проходит. Они даже успели переселить на дно практически весь Токио.

— Практически весь?

— Неэтнических японцев они репатриировали.

— Все равно, какие няшечки, — улыбнулась она. — Смотри, не делили на достойных-недостойных.

— Но связь с ними пропала неделю назад. Со всеми подводными городами — разом.

— А на поверхности есть кто-то еще?

— На поверхности осталось несколько временных городков, для тех, кто вел работы на берегу. Их должны были переселить в последнюю очередь. Но они сами не знают, что произошло. Радиосигнал не проходит, никаких следов жизни под водой нет.

— Закуклились и прикинулись ветошью, — пожала она плечами. — Примерно как вы, когда начали переселяться. Не возражаешь, если я закурю?

Я махнул рукой.

Она затянулась сигаретой. Поплыл легкий пряный аромат.

— Тут нет табака, — пояснила она. — Весь использовали лет

пять назад. И трав нет, все вытоптали. Старые обои. Эти – с золотым тиснением. Успокаивает, знаешь ли.

Сигаретный дым тяжелел от сырости и висел клубами, лениво покачиваясь.

– Вы уверены, что ваши перекрытия выдержат? – спросила она, наблюдая за ним.

– Наши перекрытия – это земная кора, – усмехнулся я. – Конечно, она выдержит.

– Но горы тоже в некотором смысле слова земная кора, – покачала она головой. – И, тем не менее, все видели по телевизору, как рушился Эверест.

– Это другое, – отмахнулся я.

– И вы создаете дополнительные полости в недрах – разве не может так случиться, что вас просто... сожмет?

– Это исключено, – я пожал плечами. – Совершенно исключено. Это первое, что мы обсуждали. Ходы и перекрытия расположены таким образом, что векторы давления будут направлены... – я махнул рукой. – Какая, впрочем, разница.

Она пожала плечами – точь-в-точь как я.

– Мы называем вас Содом и Гоморра, – зачем-то сказал я.

– Вы опоздали, – покачала головой она. – Мы были ими года три назад. Пока еще хотели быть хоть кем-то. Мы плавали в собственном дерьме, признаюсь. Здесь, – она обвела рукой зал, – был самый большой и шикарный бордель. Там, где когда-то ставили Шекспира и Ростана, был бордель.

– А ты?

– А я делала представления для посетителей этого борделя. Шекспир и Ростан, да.

Она стала методично давить еще не докуренную сигарету о подлокотник кресла.

– Марк... – спросила она. – Сколько нам осталось?

– Ты ничего не знаешь, есть ли в городе какой-то заговор? – я сделал вид, что не расслышал ее вопроса.

– Заговор?

– Или что-то вроде того. Не слышала слова «ботва», «корнеплод»? Применительно к Верхнему и Нижнему?

Она вздернула бровь и странно посмотрела на меня.

– Ты думаешь, что заговорщики будут делиться своими планами с актрисой? – спросила, помолчав.

– Нет, но...

– Не надо, Марк, – махнула она рукой, продолжая все так же странно смотреть. – Давай я буду думать, что ты пришел ко мне, потому что шел ко мне, а не потому, что тебе нужно расследовать какой-то заговор.

Я встал.

– Ну хорошо, – согласился я. – Давай. Тогда прощай.

– До свидания, Марк. До свидания.

Я покачал головой и ушел.

Странно, но я уже привык к местному воздуху. И даже больше, – мне стало казаться, что в нашем подземном городе душно и вонюче. А как еще может быть там, где из стен деревянного яруса растут морковки, а ярус генетиков разводит мясных дождевых червей у себя в потолке? И эта слизь... может быть, я просто уже забыл, как вода стекает по коже?

Над головой зашипело. Я схватился за револьвер и поднял взгляд. «Теат. Отр...о» – еще пару раз мигнула вывеска, затем заискрила и погасла. Я пожал плечами и шагнул с тротуара. Миранда разберется с этим сама. Я же сюда больше не вернусь.

Это силовое поле что-то делало с водой. Она больше не приходила дождем, скорее мелкой водной пылью. Дождь прост. Идет сверху, падает вниз. Хочешь от него скрыться – накройся чем-нибудь и не забывай о лужах.

Я поежился, отчасти от влажности, отчасти от того, что в голову лезли всякие нехорошие мысли.

Надо рассуждать логически.

В Верхнем городе заговорщиков нет, иначе бы о них знал Ящерица. Да, положи руку на сердце, и не только Ящерица. Не так уж тут много людей, чтобы не знать о том, чем занимается твой сосед. И совершенно невозможно упустить из виду, что где-то базируется склад подрывных материалов. У

них здесь немного вариантов развлечений, и упустить такое первейшее и древнейшее, как слухи и сплетни, они попросту не могли бы. Они бы не сохранили это в тайне.

Да, конечно, можно предположить, что и Ящерица, и Миранда были в курсе происходящего, но просто не захотели поделиться этими знаниями со мной. Тоже вариант. Тоже возможно. Сестра и не скрывала, что у нее был и есть зуб на меня. И никто не мешает иметь точно такой же зуб и Ящерице. И пусть это немного нелогично, ведь он рассчитывал на то, что за хорошую службу получит местечко в Нижнем городе, а потворствовать террористам в этом случае – все равно что пилить сук, на котором сидишь... но кто говорит о логике в случае людей, которые живут в постоянном ожидании смерти? У Ящерицы давно могли заехать шарики за ролики. Игра в двойного агента, так сказать.

Я вздохнул и поднял воротник.

Глухо. В Верхнем Городе их нет. Точнее, может быть, они и живут здесь, но совершенно точно, склад у них где-то в другом месте. Но каком?

Тихий, едва уловимый то ли хрип, то ли стон прорвался сквозь липкий шум дождя. В другое время я даже и не обратил бы на него внимания, слишком уж привычен он стал в последние годы. Но сейчас мой разум настолько лихорадочно перебирал все возможные варианты решения мучавшего меня вопроса, что не упускал ни одной зацепки.

Стон умирающего мира.

Звук рушащегося главного города...

Главный город. Вот оно.

* * *

Я ошибся. Здесь долгие годы уже никого не было. Никого – из людей. Тощая собака, завидев меня, шарахнулась в сторону, забила под насквозь проржавевший остов автомобиля и растерянно зарычала оттуда. Она не видела людей много лет. Если вообще когда-нибудь видела.

Я ошибся на несколько десятилетий. Да, тогда, лет пятнадцать-двадцать назад мародеры, хулиганы, мальчишки, ностальгирующие романтики и многие другие еще наведывались сюда. Каждый со своей целью: пожить в оставленных домах, покататься на брошенных автомобилях, пожечь мусорные баки, погромить витрины или же пройти по дорогим сердцу местам и вспомнить прошлое. Это длилось несколько лет, а потом закончилось. Может быть, стало нечего красть, или некуда класть награбленное; может быть – сгорели все баки и кончился бензин во всех машинах; может быть – умерли последние романтики... Я не знаю. Никто не знал. Но с тех пор главный город был покинут окончательно. Его даже и называли «главным городом» вскользь и пренебрежительно, не звучала ни одна заглавная буква.

Я стоял посреди пустынной улицы, которая когда-то была оживленным проспектом, и, задрав голову, смотрел на

небесную твердь. Отсюда, из центра, если так можно сказать, событий, она выглядела совсем по-другому. Это была не картинка в перископах Нижнего Города и не мутный потолок города Верхнего. О нет, здесь над моей головой текло и пульсировало жидкое золото. И я не мог оторвать глаз от этого прекрасного убийцы нашего мира.

В городе больше не было самых высоких зданий. Великий Уравнитель достаточно рьяно взялся за свою работу, и теперь центр представлял собой единый массив скособоченных, полуразрушенных, сплюснутых, но одинакового размера строений. Мечта перфекциониста, да. Везде лежали строительный мусор, куски кровли, обломки арматуры, какие-то камни и осколки плит. А в жаркое время ветер, наверное, гонял столбы пыли. Хотя... откуда теперь здесь взяться ветру?

Наверное, с моей стороны это было глупостью. Причем глупостью вдвойне: ведь я уже понял, что здесь террористов нет, так зачем было тратить время на мертвый город? Но мне слишком хотелось, хотелось просто так, без какой-то ясной цели или выгоды, и поэтому я сделал это.

Конечно, я не рискнул пользоваться лифтом. Это было бы даже не глупостью, а чистой воды самоубийством. Кто знает, как покорежены шахты и в каком состоянии тросы? А выйти из-под земли, чтобы разбиться о землю – такой иронии даже для меня слишком много.

Да, с физкультурой у нас внизу дела обстояли совсем плохо. Это я понял уже на двадцатом лестничном пролете. И

это я еще как бы нахожусь в хорошей форме по сравнению со многими другими. А что будет через пару лет? Десять? Превратимся в подобие слизней или будем передвигаться по туннелям путем перекачивания с боку на бок?

Вязкая слюна накапливалась во рту, сердце билось где-то в висках, лицо онемело, а ноги вообще были будто не моими, но останавливаться было уже поздно. Даже когда так не вовремя проснувшийся здравый смысл озадаченно спросил меня, зачем я это делаю, — даже тогда время для возврата уже ушло. Слишком большой путь был проделан, чтобы бросить его на половине.

* * *

Я стоял на последнем из сохранившихся этажей.

Трещины испещряли стены, стекла в окнах лопнули, в одном из углов бежала тоненькая струйка песка и искрошенного бетона.

Твердь была здесь, над головой.

Крыша и плиты верхних этажей лопнули, искрошились, рассыпались, и сейчас сквозь эти каменные прорехи над моей головой сияло, переливалось и пульсировало медово-золотое.

Оно звало и манило.

В первый раз в жизни можно смотреть на солнце без боли, подумалось мне.

Я не мог подобрать нужных слов, чтобы описать твердь. Их было слишком много, и все они были правильными. Золото? Да. Мед? Да. Словно огромный яичный желток вот-вот лопнет и зальет комнату, в которой я стою? Да, да, да и это тоже да.

Я встал на цыпочки и протянул к тверди руку.

Помедлил немного.

Хочу ли я этого?

И, не успев ответить на этот вопрос, коснулся тверди.

Странно.

Я ожидал чего угодно, – обещанного учеными холода, жгучего жара, накопившегося за эти годы, – чего угодно, но только не... ничего.

Уже потом, через несколько минут, я догадался – температура человеческого тела. Всего лишь солнце прогрело твердь до температуры человеческого тела. Еще одна забавная ирония судьбы. Может быть, станется так, что когда поле сдавит мир окончательно и начнет дробить черепа и позвонки, люди так же не сразу почувствуют это? Смешно. Или же у нас что-то случилось с чувством юмора в последние годы.

А пока я стоял и растерянно ощупывал твердь, пытаюсь понять – реальна ли она? Или же – нереален я?

Хрустнули балки, и мне на лицо посыпалась пыль. Твердь двигалась постоянно и неумолимо. Каждую секунду она отвоевывала себе доли пространства, каждую секунду она уничтожала наш мир.

Я опустил руку.

Хруст повторился снова, и еще одна порция пыли припо-рошила пол.

Я бросил беглый взгляд на трещины в стенах. Нет, все нормально, еще как минимум час они выдержат. Самому же дому осталась пара дней, в зависимости от того, как тут про-ложены несущие конструкции.

В худшем случае, когда нажим придется на критическую точку, здание сложится как карточный домик – о, эта игра из моего детства, в последние годы ее запретили как «имеющую неприятные ассоциации»!

В лучшем же случае, – хотя можно ли его назвать «луч-шим»? – дом будет рушиться этаж за этажом, став для тех, кто смотрит в перископы, еще одним из ориентиров медлен-ного умирания мира.

Я подошел к окну, точнее, к дыре в стене, зияющей оскол-ками стекла, как гнилыми зубами.

И замер, споткнувшись.

Мой дом.

Дом моего детства.

Он виднелся на углу улицы. Окружающие его строения разрушились, осыпались, и он стоял, такой маленький и без-защитный, как детские воспоминания.

Я думал, что забыл его, ведь мы бежали отсюда одними из первых, когда я был слишком мал, чтобы что-то понимать и о чем-то жалеть. Родители прихватили с собой наши детские

игрушки, и нам с сестрой было не о чем вспоминать в этом городе.

Наш дом...

Я закрыл глаза.

Запахи, цвета, голоса, ощущения, прикосновения к коже – они окружили меня, охватили и поволокли куда-то вдаль, сквозь годы, в мое детство.

Я сопротивлялся – это было ненужно сейчас, неуместно, вредно, в конце концов! У меня были другие дела!

Мой дом...

Я вспомнил первую смерть на новом месте. Старый Декс. Он стоял и вместе со всеми смотрел, как начинает рушиться город, как сминаются верхние этажи величественного «Ика-рико», как дробятся падающими сверху кусками бетона крыши «Готик-Плазы». А когда один из небоскребов рухнул на квартал, где он жил, подняв клубы песка и пыли, Декс упал. Старик умер вместе со своим домом.

Дом...

И я сдался.

* * *

Спустился я медленнее, чем поднимался.

На меня давили воспоминания, терзали смутные мысли, и каждый шаг давался со все большим и большим трудом. Я останавливался, тер глаза и кашлял, пытаюсь вытолкнуть из

разума память, а из легких пыль.

От пыли было не спрятаться. Она лезла в рот, нос, уши, глаза. Тут я пожалел, что не захватил внизу сварочные очки. Их носили даже те, кто никогда и не держал в руках сварочный аппарат. Удобные, плотно прилегающие к коже, очки надежно защищали глаза от едких миазмов мокрой земли. А сменные фильтры позволяли раскрашивать подземный мир в яркие цвета. Одно время особенно были популярны зеленые стекла. Откуда-то даже вытащили занафталиненно-го дядюшку Баума и на все лады распевали песенки про Изумрудный Город...

Стоп.

Я споткнулся.

Стоп.

Я остановился.

Стоп.

Дрожащей рукой вытащил записку и развернул ее. Зажигалки у меня сроду не водилось, а фонарик я забыл в бюро. Плохой из меня службезд, что и говорить, надеюсь, что инженером был гораздо лучше, поэтому пришлось подносить листок совсем близко к глазам.

Печатные буквы. Кривой почерк. «В батве завились вридители. Корнеплоду угрожают чирвоточины». Двойка по правописанию за такое. Двойка...

Я перевернул листок.

Полустертая фраза на обороте.

«Н.т ..ст. лу..е, чем .одно. .ом».

Ее нужно было всего лишь прочитать вслух. Всего лишь прочитать вслух, а не параноить по поводу заговора.

«Нет места лучше, чем родной дом».

Черт!

Я дурак, я невозможный, беспамятный дурак!

Как я мог забыть!

Тридцать лет назад, маленькими и глупыми, мы с сестрой дурачились, забрасывая приемники пневмопочты только-только строящегося Нижнего Города такими вот ложными угрозами. С бумагой уже тогда была напряженка, поэтому мы растерзали томик «Волшебника страны Оз». Ох, и влетело нам тогда от родителей!

Миранда сразу обо всем догадалась, ей достаточно было лишь услышать шифровку, а я...

Черт! Какой же лопух!

Видимо, много лет назад что-то заклинило в одном из терминалов, и только сегодня, после профилактики, терминал сработал. И послание-шутка, отправленное тридцать лет назад в службу безопасности, наконец-то нашло адресата. Адресата-отправителя, да. Круг замкнулся.

Я смял письмо в кулаке.

Черт!

Фальшивка оказалась фальшивкой вдвойне. Я сам купился на свою уловку, сам же и попался в расставленные мною тридцать лет назад сети.

В темноте за спиной что-то зашуршало.

Я схватился за револьвер. И обернулся.

Едва различимая, — настолько, что ее можно было увидеть, но не настолько, чтобы понять, что это, — в десяти шагах от меня стояла тень.

Я поднял револьвер.

— Стоять, — сказал я. — Я буду стрелять.

Тень сделала шаг по направлению ко мне.

— Стой, — повторил я.

Она сделала еще шаг.

Тогда я тоже сделал шаг навстречу.

И выстрелил.

Порох и ракетница, помните?

Я тоже помнил.

И это хорошо.

Потому что, когда вспышка озарила лицо того, кто скрывался под тенью, мне показалось, что я стою напротив зеркала.

* * *

— Зачем, — спросил я, пытаюсь остановить кровь, что шла у нее из плеча.

— Я всего лишь хотела успеть умереть стоя, — просто сказала она.

— Почему ты не сказала, что вспомнила про записку? По-

чему ты вообще ничего не сказала?

– Мне хотелось, чтобы ты посмотрел город перед тем, как он умрет. Обошел бы его кварталы, поговорил с его жителями... Потом всю жизнь ты бы помнил об этой своей неудаче и в связи с ней вспоминал и город. Хотя бы так он остался жить в твоей памяти. Увы, ты догадался раньше. Я видела, как шевелились твои губы, когда ты прочел фразу из «Волшебника».

– Но это же глупо, Миранда! Это глупо! – кровь никак не желала останавливаться.

– Не спорю, – согласилась она. – Но и глупость тоже умирает вместе с городом. Ведь там, внизу, в прекрасном новом мире, для нее больше нет места, не так ли?

Я промолчал, сделав вид, что не расслышал.

– Конечно, нет, – продолжала она. – Разумеется. Как нет там места для дружбы, веры, сожалений и памяти. Вы оставили это здесь. Лишним, ненужным, забытым. Оставили их нам.

– Миранда, я все равно не смогу забрать тебя вниз, – я беспомощно посмотрел на свои окровавленные руки. – Яне имею права.

– Я часто задаюсь мыслью, – задумчиво сказала она. – А что, если где-то есть село, ферма или просто крестьянин, который не слушает радио, не смотрит телевизор... да и вообще находится вдалеке от города. И он не знает, что именно происходит сейчас в мире. Будет ли он вообще понимать, что

что-то происходит? Заметит ли он, что над его полем больше не летают самолеты? Или что птицы стали летать ниже? И что цвет неба иной? Или же он не придаст этому никакого значения?

– А не наплевать ли тебе на него? – я перетянул плечо ремнем так туго, что у нее на кисти вздулись вены.

– Может быть, такое уже когда-нибудь было? – продолжала она, даже не изменившись в лице. – Просто люди тогда не обратили внимания?

– И хочешь сказать, что они выжили?

– Может, да. А может, и нет. Или наоборот. Может, нет, а может, и да.

– В этом есть какая-то разница?

– Огромная, Марк, огромная.

– Никто не выживет наверху, – сказал я. – Никто. Еще девять месяцев, и всё.

– Все ли свои ярусы ты построил там, Марк? – вдруг спросила она.

– К чему ты клонишь?

– К тому, что хочешь ли ты умереть, согнувшись, ползая на животе, зарывшись, как крыса, как червь, как муравей в толщу земли?

– Это весьма комфортабельный город!

– У вас есть театры? Музеи? Парки?

– У вас их тоже больше нет!

– У вас их нет с самого начала.

Я скрипнул зубами. Действительно, все проекты театров и картинных галерей отклонили в первом же рассмотрении. «Нам нужны жилые помещения и сельхозтерритории», – было сказано мне.

– Думал ли ты, Марк, что будет, если мы не согнемся?

Я усмехнулся.

– Нет, Марк, правда, что тогда будет?

– Будет много-много красных пятен, – с неохотой ответил я. – Ну, и немного красной кашицы.

– А может быть, мы удержим небесную твердь на своих плечах? Как атланты? Как атланты и кариатиды, пусть из плоти и крови, но разве дело в этом?

– Ты бредишь. Или курение обоев влияет на психику.

– О, Марк, это самый простой ответ.

– Пятнадцать минут назад ты хотела умереть, а теперь ты собираешься держать небо?

– Я хотела умереть стоя, Марк, – напомнила она. – Пока могу стоять. Но стоя можно и жить.

– Ну, в данном случае весьма недолго, – кисло усмехнулся я. – Да и, кроме того, тебя слишком мало, чтобы... кхм... держать небо.

– Но кто-то должен это сделать. Может быть, оно потому и стало падать? Потому что некому стало его держать?

– Попробуй курить обои без тиснения.

Она улыбнулась.

– Нет, Марк. Чтобы держать небо, нужно здоровье, куре-

ние этому не способствует.

Я выдавил ответную улыбку:

– Ну вот, кто не курит и не пьет – ты же не пьешь, надеюсь? – тот того, здоровеньким помрет.

Я ждал, что она отпустит какую-нибудь шутку в ответ, – мне нужно было, чтобы она отпустила шутку в ответ! – но Миранда лишь серьезно покачала головой:

– «Нет места лучше, чем родной дом», Марк. Мой дом здесь. Моя родина здесь. И ради них я буду держать небесную твердь. Может быть, меня хватит. А может, и нет. Время покажет. Как ты сказал? Девять месяцев, да?

Я промолчал.

– Если бы ты не пришел, Марк... я бы никогда не подумала об этом. И если бы ты не принес эту нашу записку... Ты не узнал ее, я понимаю, у тебя так много работы там, внизу, я все понимаю, не вини себя. А я сразу поняла, о чем ты говоришь. «Ботва», «корнеплоды»... Еще и «червоточины», да? Там еще должны быть ошибки. У меня всегда стояла двойка по правописанию. Да и по математике тоже... Видимо, поэтому из меня не вышло достойного...

– Миранда... – мне показалось, что она вот-вот потеряет сознание. Черт, но это же простая рана... кажется.

– Все в порядке, Марк, – она отвела мою руку, когда я попытался еще раз взглянуть на рану. – Все в порядке, правда. Честно.

Я подчинился и просто сел рядом.

– Знаешь, Марк... – продолжила она. – Мне вдруг вспомнилось, какими мы были. И это желание умереть... Я думала об этом долго, думала об этом практически постоянно, но боялась. Я просто боялась сделать это сама. Или просить кого-то... А в тебе увидела возможность. Идеальную возможность...

– Идеальную возможность умереть?

– Да. Так что я тоже беглец, Марк. Ничем не лучше вас. Только вы убежали вниз, а я хотела еще дальше.

Я покачал головой.

– Миранда...

– Не перебивай, я же попросила. Кому еще я смогу это рассказать? Уже тогда я подумала, что все на самом деле должно быть совершенно иначе, но я слишком долго ждала возможности умереть, чтобы вот так отказаться от нее. И я пошла на поводу у этого своего желания. А на самом деле все не так. Все совсем не так. Нужно жить. Ради тех, кем мы когда-то были. Тех безалаберных хулиганов, которые... которые делали кучу глупых вещей. Глупых, забавных, странных вещей, которые и составляли детство. Вещей, которые и составляли жизнь.

– Ты произносишь такие длинные тирады, что мне кажется, не так уж плохо ты себя чувствуешь, – прокомментировал я.

– Так оно и есть, Марк, – рассмеялась она. – Так оно и есть... И я поняла, что ради тех нас – кем мы были – сто-

ит жить. И стоит попробовать удержать небо. Разве мы были плохими, Марк? Разве мы тогдашние не стоим того, чтобы удержать небо сейчас? Ведь нет места лучше, чем родной дом. Разве не так, Марк?

Я молчал.

– Это даже забавно – благодаря чему нам удалось свидетель-
ся. Или из-за чего... Как это для тебя, Марк? «Благодаря»
или «из-за»?

Я молчал.

– Прощай, Марк, – тихо сказала она.

Я снова посмотрел на свои руки.

А потом взглянул на небесную твердь.

* * *

Прошло три месяца.

Тем вечером я не вернулся вниз.

Да и потом подошел к люку лишь один раз – сказать де-
журным, что со мной все в порядке.

И что я остаюсь здесь.

И что Верхний Город больше не угрожает Нижнему.

И да, чтобы Билли-Ящерицу поселили не на двадцатом
ярусе, как помечено в его пропуске, а на пятидесятом, в моей
квартире.

Пусть кто-нибудь другой сражается морковью и смотрит
в перископ на разрушающийся город его детства.

Пусть кто-нибудь другой воспользуется той жизнью, что должна была быть у меня внизу.

Пусть кто-нибудь другой влезет в шкурку, которую я сбросил.

Все мои ярусы уже давно построены.

И теперь у меня другая цель.

Стать атлантом.

Осталось сто восемьдесят три дня.

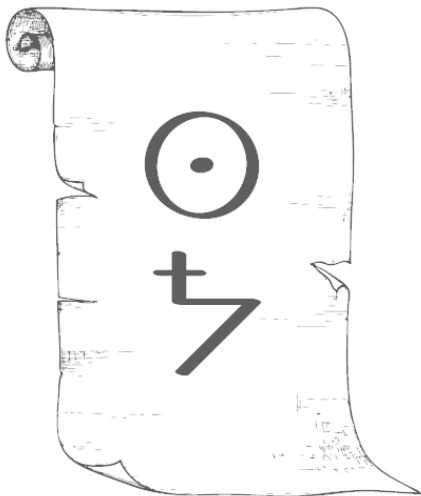
И я буду атлантом.

Потому что нет места лучше, чем родной дом.

И мы должны за него бороться.

Кто, если не мы?

...там, где смыкаются миры...

...случилось так, что тьма была укрыта облаками и солнце начало пробиваться сквозь них, хотя три четверти его все еще были затемнены; и тут вдруг из-за облаков протянулась рука, и я задрожал при виде ее, и держала она письмо, запечатанное четырьмя печатями, на котором было начертано: «Я – черное, но прекрасное, как палатки Кедара, как завесы Соломона: посмотрите на меня, потому что я – чернота, по-

тому что солнце посмотрело на меня»...

Генрих Матаданус, «Возрожденный Золотой Век»

По ту сторону снега

Снежный сейнер барахтался среди нагромождения волн, обходя наиболее высокие из них, задирая нос к небу, а после скользя с очередного гребня вниз. Паруса, то ловившие, то теряющие ветер, трещали и выли под стать выюге, кружащей до самого горизонта. Ещё немножко, и тройная ткань, нашитая поверх выдубленных шкур, могла не выдержать, и тогда команде придется несладко.

– Лево руля! Ещё левее! Право! Ещё правее! – кричал осипшим голосом помощник шкипера, висевший с линзовой лампой в штурманской люльке над самой поверхностью моря.

Сам шкипер, ставший за штурвал, не пытался угадывать, что там, впереди, в свистопляске снега и ветра, всё было тщетно, он не мог различить даже фигуры матросов, которых швыряло от борта к борту. И ловцы снежков тоже выскочили на палубу, помогая команде управляться с парусами.

– Влево! На пятке влево! – срывая голос, будто лопались струны мандолины, фальцетом взвился помощник.

На пятке – это значит разворот на месте. Резкий, до сто-на парусной оснастки, до вскрика обшивки. Рискуя поломать опорные дуги, соединяющие корпус сейнера с корабельными полозьями, шкипер крутанул штурвал, понимая, что просто так помощник не завизжал бы, будто резаный подсви-

нок. Наверняка там, в двадцати-двадцати пяти шагах перед ними, — дальше помощник вряд ли мог что-либо увидеть, — оказалось неодолимое препятствие, волна, на которую нельзя вскарабкаться и которую не получится взрезать форштевнем. Ведь сейнер не торговый галеон, прокладывающий широким лбом дорогу там, где застрянут другие суда. Хотя, конечно, ближе к краю мира, где волны встают высотой до неба, а после рушатся за край, не пройдет ни галеон, ни сам морской дьявол, там мир заканчивался, и начиналась Великая Бездна.

— Что там? Вейвул? — по-вороньи резко, отрывисто крикнул шкипер, желая узнать, какой беды они избежали.

Ведь в море встречается разное. Большие волны опасны, но есть вещи и похуже. Провалы. Это когда среди морской глади вдруг открывалась ложбина, уходящая вниз и вниз, выкарабкаться из которой очень непросто. Движущиеся волны. А такое шкипер видал не раз на своём веку: когда море приходит в движение, и волны начинают гулять, будто ожившие белые существа, и тогда кричи не кричи, ворочай штурвал или нет, а главным окажется везение. У кого его больше, тот и выкарабкался. Везение да корабельная прочность. А ещё близость берегов.

Шкиперу довелось побывать в движущихся волнах дважды. Первый раз при перевозке строевого леса. Тогда их лишь задело пробуждение моря, и вышло даже лучше, потому что пришли в порт на день раньше. Правда, страху натер-

пелись, но это ничего. А второй раз испугаться не успели. Шхуна перевернулась набок и стала тонуть, погрузившись в море вначале наполовину, затем на три четверти, удержавшись на втором полозе, а первый под тяжестью корабля ушел вниз. До земли была верная неделя пути, но шкипер предпочел провозиться две недели, вызволяя шхуну из морского плена, и старания его увенчались успехом. Дождавшись устойчивого свежего ветра, они запустили вспомогательный парус, огромного воздушного змея, и кое-как сумели вытящить увязший корабль и направиться к дому. В общем, разное происходило на море, не все и не всегда могли похвастать удачей.

В конце концов, когда годы осели на душе и в сердце тяжким балластом и скорость перестала радовать его, вызывая лишь тревогу, шкипер решил найти местечко поуютней и нанялся во флотилию снежных сейнеров, добывать снежков и прочие морские деликатесы к праздничным застольям. Казалось, здесь спокойней. Кораблик достался что надо. Не шальной новик, которому ещё притираться и притираться бортами к морю, и не старая лохань, подслеповатая старушка, плохо слушающаяся штурвала и постоянно жалующаяся на судьбу, а вполне проверенный, зацелованный штормами и морем «Пеликан». С высокой мачтой, хрустящими парусами, добротными бортами, проклепанный медными скобками, и с полуторными полозьями, способными не только нести сейнер по морю, но и служить запасниками для улова.

Только и здесь спокойной жизни не оказалось. Стаи снежков постоянно мигрировали, вынуждая рыболовов уходить вслед за ними всё дальше и дальше от берега.

– Вернусь с лова, всё брошу и уйду на покой! – в сердцах говорил шкипер каждый раз, когда сейнеры снаряжались для выхода в плавание.

Он уже и местечко присмотрел, на вершине холма, что возвышался над купеческой гаванью. Там, в окружении высоких сосен, можно поставить крепкую хижину, не боящуюся ни выюг, ни града. А в погребке держать наготове пару бочонков темного эля, который приятно потягивать из глиняных чаш у жаркого очага, травя байки с такими же старыми моряками, сошедшими на сушу, или же просто слушать завывание ветра в трубе. И вот тогда пусть стучат в ставни хоть все-все ветра и снега мира, он им не откроет! Довольно с него! А возьмет клетчатый плед, укроет старческие натруженные в долгих вахтах колени и будет дремать, пока песок в незримых часах жизни не перетечет на самое дно.

Только все понимали, что не скоро случится последний сезон у Папаши Лю. Так за чуткость к молодняку в порту прозвали шкипера. Да и настанет ли он, этот последний сезон? Ведь чаще моряки заканчивали век не в уютной постели, а где-то там, в глухой морской ночи, когда не видно и не слышно ничего и никого, когда помощник не успеет вот так, как сейчас, крикнуть: «На пятке!». И сейнер, набравший ход, переломится, как сухая ветка, а те, кто будет барахтаться по-

сле в море, не успев надеть мореступы и спасительные ватники, станут завидовать другим, которые ушли на дно вместе с кораблем.

Молодым да вертким иногда удавалось вынырнуть и с двадцатиметровой глубины. Ходила легенда о матросе, спасшемся с корабля, который ушел на верную сотню метров. Легенды тем и примечательны, что слышать их все слышали, да случившегося никто не видал. Это как байки о путешествиях в Великую Бездну.

На этот раз испытывать судьбу и корабль на прочность не пришлось. Помощник, теряя голос, выкрикнул спасительное предупреждение, а Папаша Ло, вывихнув кисть, успел налечь на штурвал и увести «Пеликан» от опасности.

Дрожа от натуги, нацелив бушприт в темные небеса, словно вставший на дыбы единорог, сейнер останавливался, разворачиваясь бортом, продолжая двигаться по инерции бокком. А потом раздался отчетливый удар, правый полоз воткнулся во что-то твердое, и сейнер замер.

– Убрать паруса! – настала пора не жалеть связок и Папаше Ло. – Вейвул? Ты как, старина?

По палубе прокатился дробный топот парусной команды и ловцов.

– Я в порядке, но вот «Пеликан»... – донесся изменившийся, ослабленный долгим трудом голос помощника.

– Что с ним?

– Во что-то мы упёрлись. Как будто скала, которой здесь

быть не должно.

Помощник покинул штурманскую люльку и брел по палубе, цепляясь за леера. От двухчасовой игры с волнами его шатало. Остановка корабля во время выюги всегда означала крупные неприятности, именно потому и пришлось Папаше Ло со своим помощником рисковать, устраивая гонки с судьбой, рискуя нарваться на неприятности. Но, кажется, миновать их полностью не удалось. Единственное, что хоть как-то успокаивало – «Пеликан», столкнувшийся с препятствием, не развалился на куски, а всего лишь за что-то зацепился и замер в неподвижности, будто став на якорь.

Моряки, усталые и встревоженные, воспользовались внезапной передышкой. Привалившись кто к чему, они ловили воздух открытыми ртами, опустив шарфы-матроски с покрасневших щек на шеи. Хотя им было интересно, что же произошло и во что это выльется, доверие к Папаше Ло пересилило, и они просто дожидались, когда шкипер с помощником во всём разберутся.

– Вейвул, дружище, вот, держи, как раз для такого случая. Хлебни, и пойдем поглядим, что там у нас за приключение, – Папаша Ло достал из широкой муфты, болтающейся на объемистом его животе, фляжку с еловым ликером, сделал сам пару глотков и протянул её помощнику.

– Спасибо. Будь здоров! Пойло что надо. Но приклеились мы тоже будь здоров! – возвращая флягу шкиперу, а голос себе, ожил помощник. – Успел заметить в последний мо-

мент. Скала не скала, что-то черное... И очень большое. Если бы прямо в неё, то всё, привет снежным девам. Уже слушали бы их прощальные песенки.

– Не вовремя ты снежных дев вспомнил. До берега три дня пути. Не далеко, но и не близко. В такую выюгу ни за что не выбраться. Опасно сейчас в море, разве что снять полозья и попытаться на них... Эх, да что я и сам причитаю раньше времени! Старею, никак.

– Старость? Ну, нет. Не могу представить, не вижу тебя без штурвала и капитанской муфты, просиживающим задницу у камина.

– Вот прямо сейчас я бы предпочел просиживать задницу, а не торчать среди выюги. На остановившемся корабле... И темень такая, ничего не видать. Ты давай, заканчивай фантазировать, пора идти, – подождав, пока помощник заново разожжёт фонарь и протрет запотевшие линзы, сердито сказал шкипер.

Матросы и рыбаки, поняв, что сейчас толку от их ожидания ровно ноль, упрятались под палубу. Команда сейнера – всего десять человек: шесть матросов и четыре ловца. Да ещё капитан с помощником. Одна семья, одна судьба. Вышагивая по палубе, шкипер знал, что там, внизу, десять настороженных пар ушей вслушиваются: каковы они, шаги капитана? Уверенные, твердые, может быть, даже с пристуком досады из-за вынужденной задержки. Или тягучие, обреченные, как у человека, идущего сообщить недобрую весть. В любом

случае, что бы ни случилось, он решил держаться бодро. Что толку от жалости к самому себе? Уныние – тяжкий грех и в море и на суше. Забывать о том нельзя никому. И он отбил чечетку, которая звучала всякий раз, когда улов был хорош, или же когда показался берег, или просто, от других каких-нибудь приятных причин. Пусть думают, что всё в порядке. На мгновение шкиперу показалось, что он слышит облегченный выдох из десяти глоток, и слышит, как десять сердец забились ровно.

Шаг. Другой. Третий. Снег валит стеной, ещё немного, придется чистить палубу. Но пока, вцепившись в шторм-леер, шкипер шел вслед за помощником, держащим фонарь, и молил всех богов, какие только есть на свете, чтобы там оказался какой-нибудь пустяк, какая-то неотмеченная на карте небольшая скала, обросшая снежным мхом, словно барашек шерстью.

Толку от фонаря было мало. Пятно света держалось не далее вытянутой руки, а после сливалось с нитями пляшущего снега, выхватывая крупные хлопья и заставляя их на мгновение превратиться в блестящие самоцветы. Потом, сразу за пятном, начиналась фиолетовая темнота. А море постепенно подкрадывалось снизу, уже дотянувшись до половины борта.

– Отсюда ничего не понять. Придется лезть на полозья! – сказал шкипер.

– Так будет лучше, – согласился помощник.

И они вернулись обратно, а после поползли по широкой

несущей дуге, цепляясь за спасительные поручни, к правому полозу, тому самому, который намертво сцепился с преградой.

Ширина дуги – четыре руки, чуть более двух метров. Вроде бы хватало, чтобы по ней пробираться, но только не в шторм. меховые перчатки покрылись снежной коростой, и ухватиться за скобы становилось всё тяжелее и тяжелее, скобы нет-нет, да и выскальзывали из рук. А всего в двух-трех руках под ними шипело и искрилось подернутое поземкой море. Сколько там, внизу? Сто? Двести? Пять тысяч? Или даже десять тысяч метров снега, который в глубине становился тверже и тяжелее стали?

Рыбаки не раз кидали ловчие драги на тысячу метров и доставали причудливых рыбин, которые, едва попав на поверхность, тут же лопались изнутри, будто петарды, начиненные порохом. Там, где жилось привольно и хорошо, их со всех сторон сдавливал совсем другой снег, больше похожий на мел или даже гипс, а то и вовсе каменную крошку. А ещё те чудные рыбы не имели глаз. Значит, там, внизу, совершенно темно, раз глаза им совсем не нужны. Но вот зубы у глубинной добычи всегда оказывались ого-го! А на чешуйчатых боках – следы от ещё более крупных чьих-то зубов. И впалые желудки. Не такая уж, видать, привольная жизнь у них. Чего же жаловаться тем, кто живет на суше и движется на двух ногах? И шкипер не жаловался, а стиснув зубы, лез вперед, оттолкнув помощника, пытавшегося поддерживать

своего капитана под руку.

Конец дуги. Сразу за ним виднелся огромный поплавок, это и был левый полоз. Горбатая конструкция, снизу представлявшая широченную и прочную лыжу, покрытую шкурой кога, самого страшного хищника, водящегося в море. Такая шкура при движении заполнялась пузырьками воздуха и позволяла скользить без всякого трения, наращивая скорость и поднимая корпус сейнера над морем. Даже сейчас, когда корабль застыл в неподвижности, эти лыжи держали его на плаву, не позволяя осесть в морскую пучину. Значит, с полозом всё в порядке. И нужно всего лишь высвободить его из плена, в котором он очутился.

Осторожно переступив на поплавок, шкипер пополз на животе к самому его краю. И там увидел...

Нет, вначале он не увидел ничего. Только неясное темное пятно, которое могло оказаться просто игрой света от фонаря. Потом темное пятно обрело очертание какого-то округлого валуна, и шкипер решил, что это скала. Пусть не в порослях снежного мха, а просто черный камень, не успевший причинить сейнеру большого вреда. А затем ветер неожиданно стих. Небесное божество устало раздувать щеки, выюга прекратилась, и в ясной ночи, при свете Луны, шкипер увидел то, чего не видел никогда в жизни и о чем не слышал ни единой легенды, хотя переслушал их на своем веку предостаточно.

Это была не скала. И не огромная снежная волна. Не ко-

чующий островок, какие иногда образуются в сезон дождя и града, когда выход в море просто невозможен.

Это был огромный корабль. Самый огромный из тех, что встречались шкиперу. И самый необычный. Но чтобы понять, что это именно корабль, и оценить его истинные размеры, шкиперу пришлось потратить долгие три-четыре минуты, обшаривая взглядом темные в белых разводах борта высотой с большущий дом, в три-четыре этажа, а после понять, что высокие шпили, возвышающиеся над бортами, это не что иное, как мачты. Только другие, не такие, как на снежных кораблях. И ещё. У этого гиганта не было полозьев. Он не мог скользить по морю.

– Призрак из Великой Бездны! – помощник сказал то, о чем подумал шкипер.

Отдернув руку и облизывая пересохшие губы, Папаша Ло впервые в жизни ощутил чувство, которое называют ужасом. Кровь отхлынула от лица, в висках застучало, и над теменем будто бы ударил тяжкий колокол.

Да, это был Призрак из Великой Бездны. Самое страшное, что могло повстречаться в море. Корабль существ, живущих по ту сторону мира. Легенд о другом мире не слагали, только старое-престарое предание говорило, что когда-то, много сотен лет назад, в их мире появилась Лодка из Великой Бездны. И в ней якобы были какие-то иные люди. Будто бы они принесли в их мир страшные болезни и несчастья, и потому их сожгли как злых колдунов вместе с лодкой. Лодка из Без-

дны не могла плыть по морю. Вот только она была маленьким суденышком, в котором находилось всего несколько человек. В этот корабль мог уместиться весь поселок Папаши Ло.

Вьюга уходила, а шкипер с помощником застыли, боясь шевельнуться, чтобы не пробудить злые силы, скрытые в темном брюхе пришельца. И так продолжалось долго. А потом шкипер понял, что экипаж сейнера вот-вот выползет на палубу и увидит это чудовище, и тогда всякое может случиться. Потерять кого-то из своих матросов он не желал. Мало ли, кто-то нырнет от страха головой в море, и поминай как звали. А потому нельзя давать страху и панике ни единого шанса завладеть командой.

– Эй, там! В трюме! Всем сидеть тихо, пока мы чиним дугу. На палубу не выходить. Холод просто собачий. Фриго! – так звали корабельного кока, – а приготовь-ка к моему возвращению горячего чая.

– Да, шкипер! – донесся из-под палубы радостный ответ кока, а вслед за ним оживленное гудение прочих голосов.

Что ж. Первый шаг сделан. Теперь нужно подготовить всех к этому зрелищу.

– Ну что, старина... – вполголоса обратился он к помощнику, – пока вроде живы. Возможно, всё обойдется, и это будет самым великим открытием на нашем веку. Хлебнем по чуть-чуть?

Он потянулся за флягой, оглядывая гигантский борт чу-

жого корабля уже без суеверного страха, хотя и с почтением. Его «Пеликан» рядом с кораблем из Бездны выглядел так, как выглядит мелкая собачонка рядом с мохнатым мамонтом. Или того меньше.

– Ш – ш-ш-ш... – успокаивающе шипело море.

– Ув-ууув! – пела уходящая вдаль выюга.

На «Пеликане» чему-то смеялась команда.

И только чужой корабль молчал, возвышаясь глыбой над снежным сейнером, будто холм над рыбацкой гаванью.

Вернувшись на «Пеликан», шкипер отправился вниз, в кают-компанию, где его ожидали чай и любопытные взгляды команды.

– Что там, шкипер?

– Крепко влипли? Или всё в порядке?

– Да-да, во что это мы врезались?

– Когда пойдем дальше?

Команда волновалась, потому что неопределенность иногда хуже любых, даже самых плохих вестей. А ещё им было странно, отчего это сам шкипер вместе с помощником занимаются починкой. На что тогда плотник и двое подручных среди матросов?

– Ну, влипли-то мы не слишком. Но дальше пока не пойдем. И знаете почему? Врезались очень удачно. А во что – попробуйте отгадать. Кому получится, даю три золотые марки.

Вот теперь в глазах команды мелькнул азарт. Три марки,

столько простой моряк зарабатывал за целый сезон ловли. Понятное дело, каждый желал попытать счастья, и со всех сторон наперебой посыпались версии. Шкипер прикрыл ладонями уши, давая понять, что не намерен слушать всех разном.

– У каждого только одна попытка. Начнем с тех, кто по левую руку, и дальше по порядку, а то как торговки на рынке... Давай, малыш, – обратился он к самому молодому матросу, – попробуй счастья.

В общий кубрик ввалился помощник, слышавший весь разговор. Ему казалось, что шкипер ничем не рисковал, предложив такое пари.

– Ну, не знаю... Если это не скала, то, может быть, просто камень?

– Во-первых, скалы те же камни. Во-вторых, просто камень не может удержаться на поверхности. Это всегда только верхушка того, что скрыто в глубинах снега. В общем, не твоя сегодня удача. Следующий!

– Не камень, не скала, тогда, может быть, суша? Какой-то берег, к которому нас прибило ветром?

– Следующий!

– Дрейфующий ледяной остров?

– Дрейфующий бараний хвост. Следующий.

– Огромное дерево?

– А разве деревья могут расти не на суше?

– Ну, я имел в виду, что налетели на сушу, а врезались в

дерево. Которое на самом краю... А что?

– Ничего. Дальше давай...

Помощник усмехнулся, но тут прозвучало:

– Мы врезались в другой корабль?

Всё же не зря говорят, что у ловцов снейков звериное чутье, иначе как обнаружить косяк под слоем снега? А старшина ловцов на «Пеликане» как раз из таких, бывалых, привыкших доверять чутью. Он даже не раздумывал над ответом, слова сами соскочили с языка.

– Верно, Боно! Другой корабль. Свои монеты получишь у Вейвула, как только закончим все дела.

– Какие у нас могут быть дела? Отцепляемся, идем дальше... Постой-ка! А что это за корабль, если вокруг ни звука? Ушла команда? Он наш? Рыболов? Или торговец? Или вообще из страны Рагнан? Но как он добрался... Разве что буря...

– Этот корабль не из Рагнана, он из более далекого края. Как называется и что он тут делал, пока непонятно. Кто укажет название, тому ещё две марки. Да ещё пять, если кто-то пояснит, откуда он и что произошло с командой. Правда, для этого вам придется взойти на борт. А борта у него высокие. Таких вы ещё не видели.

Помощник только и мог, что часто моргать, слушая, как мастерски капитан уводит команду от черты паники.

– В общем, ребята, решайтесь. Дело верное. Мы осмотрели полоз, он в порядке, можем отцепиться хоть сейчас, но

любопытство сгубило ворону, а я любопытен, как три вороны сразу. Семь монет на кону.

— Дело верное? — нервно играл пальцами кто-то из матросов. — Тогда отчего вы сами не прочли названия и не влезли на борт?

— Я же говорю, борта у него высокие. Нужно брать кошку и закидывать. А с названием... Ну, как увидите, сами поймете. Только, чур, как на палубу выйдем, не пищать, как крысы, будто я обманул. Всё по-честному. Есть корабль. Нет названия. И нет понимания, откуда он и что с экипажем. Как?

— Идёт!

— Готовь монеты, за кошками дело не станет! — понеслась моряцкая бравада.

— Вот и славно. Отправляйтесь, ребята, наверх, а я пока чайком побалуюсь. Стар я карабкаться по высоким бортам.

Матросы, опережая один другого, кинулись из кубрика на палубу. А Папаша Ло уселся основательней за осиротевший стол, принявшись, как и обещал, тянуть чай, заодно прислушиваясь, что происходит наверху.

А там было чего послушать. Вначале всеобщий стон. Он произвольно вырывался у всех, кто выходил на палубу. Затем нерешительное топтание и нестройные голоса, потом команда отправила вниз старшину ловцов. Он явился, слегка побледневший, но держался молодцом.

— Что, Боно? Решили, Папаша Ло умом тронулся, золотом швыряется налево и направо? Легких денег захотелось? Нет

уж, давайте, покажите, чего стоит слово моряка. И торопитесь, управиться нужно до вечера.

– Но это не корабль, – Боно сглотнул. – Это какое-то чудовище! Явилось из-за края Великой Бездны!

– Я тоже так думаю, – запросто согласился с ним шкипер. – Но если ты не считаешь его кораблем, свои три марки не получишь. Смекаешь?

– Смекаю, – поскреб затылок рыболов, взвешивая, чего ему больше хочется, получить прибавку или уйти подальше от вещи, вселявшей страх. Золото перевесило. – Мы поднимемся и узнаем, что там да как.

– Вот и замечательно. А чтобы и других подзадорить, схожу с вами. И если название и всё остальное удастся открыть мне самому, то плакали ваши денежки, ясно? Поднимайся и передай команде, о чем мы толковали.

Ещё через несколько минут шкипер с помощником поднялись на палубу, страшась и восхищаясь одновременно размерами и формами корабля из иного мира. Команда сбилась в кучу возле мачты и думала, как же им поступать дальше. Похоже, мысль о предстоящей награде никого уже не грела. Зато для страха осталось мало места.

– Давайте кошку и топор, – нарочито небрежно сказал шкипер, – пока вы топчетесь, схожу, сам гляну, что там и как.

Этим он приободрился, почувствовав, как уходят тревоги и суеверный страх. Ну, корабль. Ну, огромный. Из каких-то дальних неведомых земель. Мало ли что на свете случается?

Может быть, где-то там, ближе к краю, где рождается Снег, есть неизведанные земли, где строят такие вот корабли.

С детства шкипер, как и любой другой житель Снега, знал, что мир начинается с Великой Темени, откуда приходят снежные валы, которые наполняют море, текут по миру, а после проваливаются за край Великой Бездны, которой мир заканчивается. К Темени он не ходил, но знал, что до неё больше, чем сотня дней пути. Флотилии, ушедшие к Темени, возвращались редко. На десяток ушедших кораблей приходилось один-два, вернувшихся обратно. И выжившие матросы рассказывали про ужасы голодного плавания, про то, как постепенно тускнеет свет и воздух наполняется таинственным гулом и свистом, которые становятся день ото дня сильнее. И то, как ночь становится неодолимой, потому что из Темени на снежный простор вырываются ветра настолько ужасные, что движение вперед становится невозможным. На картах это выглядело как неровная линия, очерчивающая границу мира.

Зато шкиперу в молодости удалось попасть в экспедицию к Великой Бездне, к другому краю мира. В то плавание он ушел палубным матросом, а вернулся мачтовым старшиной. Потому что именно его отвага и смекалка спасли корабль от верной гибели, когда ветер занес их на такую волну, каких быть просто не могло, и откуда открывалась страшная пропасть, в которую падали и падали снежные валы. Папаша Ло, которому в ту пору это имя совершенно не подходило, пер-

вый вышел из оцепенения и пошел наверх, снимать паруса, а за ним потянулись другие. В итоге, потеряв два из четырех полозьев, корабль сумел развернуться. Его удалось отвести от пугающей бездны. Шкипер запомнил её на всю жизнь. Огромный, от горизонта до горизонта, голодный рот, распахнутый в вечном крике, поглощающий весь снег их мира, а заодно и сам мир.

Накинуть линь с трехлапым якорьком на фальшборт таинственного корабля ему удалось лишь с третьего раза. Первым взобрался самый молодой матрос и скинул сверху веревочную лестницу. Шкипер пошел вторым, за ним старшина ловцов, потом уже остальные. Внизу остались лишь помощник и двое матросов, на случай всяких неожиданностей.

Когда они вскарабкались наверх и собрались у борта, оглядываясь на кажущуюся отсюда игрушечной скорлупку «Пеликана», шкипер поднял руку, требуя внимания.

– Думаю, здесь никого нет. И уже давно. Смотрите, всё вымерзло! И это никакое не чудище, а просто корабль. Потому – меньше страха, больше любопытства, держитесь настороже. Может, здесь найдется много чего ценного и интересного. Я имею в виду не только монеты и всякие безделушки. Трое на бак, трое на ют, двое со мной в трюм.

Уверенные и понятные всем распоряжения сделали своё дело. Люди перестали дрожать и ожидать каждую секунду какой-то страшной кары за вторжение. Как только помощник отправил им запрошенные керосином фонари, они при-

ступили к поиску. Возможно, в жизни матросов это был самый захватывающий поиск со времен детства, когда на чердаках покинутых прибрежных хижин они, тогда ещё мальчишки, искали сокровища морских кочевников. Или когда лезли, пугаясь каждого звука и даже собственного дыхания, в каменные пещеры, где на стенах углем и сажей были нарисованы странные фигуры.

Корабль был одновременно и чердаком и каменной пещерой. Тем миром грёз, который приходит во снах, когда страх переходит в любопытство, любопытство в искус, а искус в ощущение счастья.

Здесь отсутствовали запахи. Люди тоже отсутствовали. Хотя когда-то явно пребывали на корабле, о чем сообщала то оброненная курительная трубка странной формы из неведомого красного дерева, то длинный рыбацкий нож, воткнутый в разделочную колоду, да там и оставленный. Ещё следы рук на якорном вороте, точно такие, какие образуются на колодезных воротах. Гладкие, отполированные множеством прикосновений. Шкипер представил себе эту картину: дюжина матросов, вертящих ворот, чтобы поднять гигантский якорь. Только цепь обрывалась, никакого якоря теперь не имелось и в помине, что было к лучшему, иначе корабль давно ушел бы на дно. С кормы доносились короткие возгласы. Матросы постепенно обростали уверенностью и деловитостью.

– Смотри! Что за инструмент? Хитрая штука! – восклицал кто-то, подняв над головой странный прибор, какую-то

зрительную трубу с прикрепленной к ней полукруглой шкалой.

– А это что? Оружие? – другой матрос недоверчиво тянул странную узкую лопату, какой-то длинный шест с широкой лопастью.

– Вот оружие! А у тебя деревяшка какая-то, – третий со свистом рассек воздух потускневшим стальным клинком с наборной рукоятью.

Находки будоражили. Все втайне начинали думать о таинственных сокровищах, находящихся в недрах корабля. Эта мысль легко читалась в глазах матросов и в их всё более уверенных жестах. Но шкипер искал нечто иное.

Крюйт-камера. Орудийная палуба. Пушки с горками ядер и с банниками, уложенными на специальные полки вместе с ветошью и сосудами с притиркой. Он видел такое лет двадцать назад, во время войны с Полосатыми Островами. Ему пришлось участвовать в тех схватках в должности младшего канонира. Вот и ещё доказательство, что экипаж тут, несомненно, был. И это никакие не демоны, а простые люди, сродни его матросам. Промасленная тряпица с отпечатком чьей-то пятерни. Шкипер приложил свою пятерню и усмехнулся:

– Моя-то побольше будет!

На полу ни одной царапины от орудийных полозьев. Значит, корабль не принимал участия в боях. На стене какая-то картинка, чьё-то лицо в обрамлении белого сияния, какие-то

слова. Странно, но слова казались знакомыми, просто написанными какими-то невероятными буквами.

– Эй, Боно, ты у нас ученый, частенько забегаешь к хранителям. Иди-ка сюда! – позвал он старшину ловцов. – Как по-твоему, что это такое?

– Да он там чаще настойки познает, чем что-то ещё, у него дружок водится, что умеет настойки делать, вот и вся наука! – осклабился кто-то из матросов.

– А вот рыло начищу, тогда и узнаешь, каким наукам я обучен, – без злобы пообещал старшина ловцов, а после изумился: – это же старые письма! Так писали морские кочевники!

Некоторые буквы были знакомы, а некоторые представлялись бессмысленными закорючками. Но всё же спустя время они смогли прочесть первое слово.

– Хранитель. Так написано. Наверное, это их Бог или ангел, которого просили о заступничестве в долгом плаваньи!

– Смотрите, Папаша Ло! А это морские карты!

Ловец высыпал на широкий стол несколько бумажных свитков, где изображались очертания суши, расчерченные на квадраты. Вот только очертания были совсем незнакомыми.

– Не наш мир. Другой, – сказал шкипер.

– Так они что же? Действительно приплыли из другого мира? А это их земли, их острова, их моря?

– Наверное. Прихвати с собой. Идем дальше.

– Я-то прихвачу. Но только мне здесь не нравится, – неожиданно насторожился ловец.

– А кому тут и что может понравиться? Другой мир. Другой корабль. Всё другое.

– Не в этом дело, капитан. Корабль шевелится. Будто оживает. Слышите?

– Это просто ветер. Но парусов на мачтах нет. Одни лохмотья.

– Да, но корпус слишком большой, ветер его трогает и потихоньку раскачивает. Чувствуете?

– Хорошо, пойдем быстрее. Если он провалится в море, никогда себе не прощу, что не попытался понять все его тайны. А вот и то, что я искал. Капитанская каюта.

– Думаете, там сокровища?

– Я в этом уверен! – воскликнул шкипер, выковыривая замок широким рыбацким ножом. А когда дверь распахнулась, благоговейно выдохнул: – Вот они!

– Что? Что там? Монеты? Камни? – протиснулся вслед за капитаном третий участник их маленького отряда, услышав слово «сокровища».

– Нет. Книги.

Шкипер обвел каюту взглядом. На стене висел портрет. На этот раз не бога, не ангела, а простого смертного, вероятней всего, портрет капитана корабля. Это был человек, чем-то похожий на шкипера. Такой же прищуренный чуть уставший взгляд, такие же выцветшие брови. Только цвет лица

темнее. Капитан был изображен сидящим в кресле посреди цветущего сада. А сад был под стать райскому. Солнце заливало зеленую лужайку, на которой выставили круглый стол с резными ножками. С пушистого остролистного дерева свисала ветка, на которой сидела раскрашенная во все цвета радуги птица с длиннющим хвостом и хохолком на голове. Шкипер никогда в жизни не встречал ни таких деревьев, ни таких птиц. Ни такого яркого солнца.

– Это их мир, – положил на плечо руку старшина ловцов. – Наверное, там всегда тепло, и выюги не рыщут в поисках жертвы круглый год.

– Да, это их мир. Но где он находится? И отчего так отличается от нашего? Ведь не могли же они упасть с неба?

– Они могли прийти вместе с рождающимся снегом. Из-за края мира. С другой стороны Бездны.

– Гляди, Боно! Тут целый альбом!

Под руки шкиперу попалась толстая скатка рисунков, бережно обернутых в парчовую ткань. Каждый рисунок открывал кусочек странного и далекого мира, такого непохожего на мир Снега.

– Гляди, это их корабль! Вот, черные борта и три мачты! Только он...

На очередном холсте уверенной талантливой рукой был нарисован корабль, который плыл совсем по другому морю. Синему, живому, наполненному движением совершенно других волн, тягучих, плавных, с пенными гребнями. Вокруг

корабля была вода. Много воды. Столько, что её хватило бы, чтобы полностью залить мир Снега.

– Им не нужны полозья. Они скользят по воде. У нас дети в теплые деньки пускают корабли в лужах. А у них, наверное, дети катаются по снегу на полозьях, как наши корабли. Мир наоборот!

– Отчего же их мир такой, а наш – совсем другой? Они что, живут прямо у нас под ногами? Ходят вниз головой? Ведь мир – столешница, под которой пустота... – высказался матрос.

– Все знают, с одной стороны Великая Темень, с другой Великая Бездна... – поддержал его старшина ловцов.

– Возможно. Всё возможно, – задумчиво протянул шкипер, вглядываясь в следующий альбомный рисунок.

Группка детишек лепила из снега какое-то странное существо. На двух больших шарах покоился третий, маленький, а на нём глаза-пуговицы, палка-нос и вычерченная детской ручонкой улыбка. А на голове веселого существа сидел жестяной горшок. Ещё две короткие руки, в одной из которых метла. Дети смеются. Снег идет. Но это всё равно другой мир и другой снег. Не такой, что за полминуты способен замести до крыши. И в небе уже светлеет в разрыве туч солнечный диск.

А потом шкипер наткнулся на другие книги. Только книги те были странными. Страницы зажаты тяжелыми кожаными переплетами, а переплеты украшены узорами и прошиты

медными нитями. Вдобавок ко всему книги были прикреплены прочными стальными кольцами к стальной же цепи из крупных звеньев. Шкипер ковырнул ножом, но понял, что разрезать цепь не получится. А она запиралась на массивный замок, ключа от которого нигде не было видно.

– Надо же, капитан берег свои книги лучше, чем прочие сокровища каюты, – усмехнулся Боно.

А шкипер замер. Потому что ему враз открылись все тайны мира. Рисунок был настолько четким и доходчивым, что дал ответ на все вопросы.

– Что это? – пока матрос рыскал по каюте, проверяя каждую щель в поисках драгоценностей, и уже умыкнул завалявшийся под столом перстень с кроваво-красным камнем, Боно распахнул глаза, вкушая вместе со шкипером невероятный плод тайных знаний.

– Это как печенье в форме ореха. Жена Вейвула готовит такие по праздникам. Вначале выпекают две скорлупки, затем вливают внутрь сладкую патоку и соединяют вместе. Получается подрумяненный орех. Только тут одну скорлупку сдвинули на треть, и получилась фигура... Фигура нашего мира! Смотри, Боно! Если бы мир был целым, он был бы похожим на шар. Но половинки сдвинулись! Если мы вверху, и у нас мир Снега, то он движется к краю, и падает с огромной высоты вниз, и там превращается в воду! И в мир той, другой половинки, он попадает в виде воды. Представляю, какой там водопад. Это похуже нашей Великой Темени. У

нас просто лезет и лезет снег, подгоняемый ветром, а у них – вода...

– Брр! Страшно даже представить!

– Подожди, это не всё. Дальше вода, попадая в их мир, движется к другому краю...

Рядом раздался отчетливый скрип. Корпус гиганта дрогнул и поехал в сторону. Сразу же послышались крики поисковой команды.

– Шкипер! Корабль оседает в море! Пора уходить!

Матрос тут же выскочил из каюты, прихватив первое, что попало под руку. Какую-то большую кружку. Старшина ловцов ухватил шкипера за руку и пытался вывести наружу. Но шкипер был зачарован тем, что ему открылось, и продолжал листать книгу, вышептывая слова и фразы.

– Папаша Ло, уходим! Мы проваливаемся в море!

– Сейчас, сейчас, – словно в горячечном бреду, частил шкипер, вырываясь из рук ловца. – Смотри! Море движется и доходит до края, это их Великая Бездна. Там всё рушится вниз. И пока летит к нам, превращается в снег. Потому он и рождается в Великой Темени. Ещё тут нарисовано, будто мир вращается! Неужели это взаправду? Снег не просто валится, его сдувает движением... Ага! Вот ещё. Внутри сдвинутых скорлупок какой-то огонь. Ну, точно! Шахтеры с медных рудников говорят, что чем глубже под землю, тем теплее и теплее, а мы думали, это близость ада. Если их половинка изнутри подогревается сильнее, то...

– Уходим, капитан! – ловец перевязал талию шкипера веревкой, распахнул окно каюты и с ужасом увидел, как приближается поверхность моря. Из того, что говорил шкипер, он не понял ровно ничего.

Море подступало, стало видно, как помощник Вейвул отвел сейнер от обреченного корабля. И теперь, распластавшись на поверхности моря, цепляясь за раскиданные во все стороны штормтрапы, к сейнеру ползут матросы и ловцы.

– Вот оно как... Дневник капитана. На языке Полосатых островов, – шкипер нашел следующее сокровище и раскрыл его наугад. – Двадцать седьмой день пути. Течение ускоряется, ветер стих. На море штиль. Есть опасность, что мы совершенно собьемся с курса...

Ловец, обвязав вокруг себя другой конец веревки, выполз из иллюминатора на снег и тоже пополз. Оседание корабля замедлилось, но было ясно, что это ненадолго и вскоре всё закончится.

– Шкипер остался в каюте! Я не могу его вытащить!

Умничка Вейвул, недаром Папаша Ло каждый раз брал его помощником, подвел снежный сейнер впритирку к борту корабля и принялся звать шкипера. Но ответа не было. Шкипер читал.

– День сороковой. Оправдываются самые худшие опасения. Корабль несёт к Великому Водопаду. По моим подсчётам, осталось всего два-три дня, чтобы исправить ситуацию. Я приказал спустить шлюпки и тащить корабль на мускуль-

ной тяге, но течение уже набрало силу...

Команда сейнера собрала веревки и канаты. Помощник порывался кинуться через иллюминатор в каюту корабля-пришельца, но Боно его удержал. Потому что успел увидеть блеск в глазах шкипера, когда тот читал записи о другой стороне мира.

– Не поможет. Будем надеяться, что нам хватит длины веревки вытащить Папашу Ло.

– Но отчего вы просто не захватили с собой все эти книги?

– Потому что книги захватили нашего шкипера. Сейчас он пьянее всех пьяных и не управляет собой. А ещё те книги просто невозможно вытащить. И знаешь, Вейвул, я понимаю нашего старика. Потому что там...

– Что там? Что? Он погибнет!

– Значит, там есть то, ради чего можно погибнуть.

Корабль ещё на полметра ушел в море, и снег наполовину закрыл иллюминатор.

– Взялись! – скомандовал помощник. – Разом! Разом! Разом!

Но шкипер этого не слышал, он читал и читал, даже не понимая, что его только что протащило сквозь снег, и отломки деревянной рамы впились в широкие плечи, что он оказался снаружи каюты, а корабль вместе со всеми тайнами навсегда исчез с поверхности.

Единственное, что он смог прихватить с собой, – свиток с рисунками чужого мира. И горсть вырванных косо листов из

капитанского дневника. Вот только ему всё равно никто не поверил. И прочие капитаны долго смеялись над историями про сдвинутые скорлупки мира, про мир, где в морях вместо снега вода. Про мир, который находится по ту сторону Снега. Мало ли, чего только не выдумает старый моряк, ушедший на покой.

Только дети верили Папаше Ло, когда собирались поиграть на снежной поляне перед его домиком. Ведь старик научил их делать смешного снежного человечка с метлой в руке и глазами-пуговицами. А сам в это время сидел у камина, укрыв пледом колени, рассматривая тот большой корабль на картине, что мчался по лазурному морю. И даже не понимал, отчего же вдруг по щекам его нет-нет, да и катилась старческая скупая слеза. Ведь это тяжело – быть единственным, кто знает, как устроен мир.

Дети играли. Им было весело. И ещё они мечтали.

– Когда я вырасту, стану капитаном! И поплыву далеко-далеко!

– А я поплыву ещё дальше!

– А я дальше дальшего!

– А я до Края Мира!

А потом старик услышал волшебную фразу.

– А я поплыву за Край! В другой мир, по ту сторону Снега!

И слёзы его исчезли.

Дьявол в деталях

(из записок старого механического филина, жившего-существовавшего жившего и работавшего в Новом Лондоне в эпоху второго правления королевы Виктории, царства металла, пара и новых – технологий)

*Мы будем скитаться мыслью
И в конце скитаний придем
Туда, откуда мы вышли,
И увидим свой край впервые.*

Т. С. Элиот «Четыре квартета»

Я всегда говорил Морту, что его фамилия несколько претенциозна, особенно учитывая то, чем он сейчас занимается, и тем более учитывая то, чем он занимался раньше, и предлагал сменить ее на что-то более простое, пусть даже и столь же звучное, но менее тематическое. Он задумывался, а потом вяло отвечал, что привык к ней. Или что это не мое дело. Или что если я придумаю хороший вариант – он его рассмотрит.

В результате я приходил к выводу, что Рюген Морт просто не хочет ее менять, только не знает почему.

Люди такие сентиментальные, ей-богу. Даже мертвые.

Дворецкий смерил нас взглядом, в котором смешивались презрение, удивление, любопытство и испуг.

Ну, собственно, как обычно. В таких домах, огромных, дорогих, роскошных и до невозможности пафосных, нас всегда встречали эмоциональным коктейлем именно с такими ингредиентами. Подносили на блюдечке из пренебрежительно-го фырканья и сдавленного ужаса. Все понятно, все логично, все объяснимо.

Презрение – дворецкие облачаются в него как во вторую ливрею, когда видят кого-то, кто по статусу ниже их хозяев. Чуть приперчивается пренебрежительным фырканьем и вялым цежением слов сквозь зубы. Удивление идет доверком; как правило, в таких домах ожидают офицеров высокого ранга, а никак не шелупонь вроде нас. Любопытство приходит долей секунды позже. О да, мы весьма колоритная парочка, механический филин и зомби на паровой тяге! А испуг, который сменяется ужасом... Ну а кто не испытывает пусть даже и иррациональный испуг при виде сыщика, расследующего убийство, по которому ты вполне можешь проходить подозреваемым?

– Мне предложили вести это дело, – сухо сказал Рюген, пытаясь пройти. Меха негромко шипели у него в глубине грудной клетки, полторы секунды через две.

– Я звонил полковнику Лоуренсу, – так же сухо ответил дворецкий, заблокировав своим телом проход. Отодвинуть в сторону тщедушного старика-дело пары секунд, особенно для такого хорошо скроенного существа, как Морт, но мы же все-таки в приличном районе, нужно соответствовать обстановке.

– Я старый друг полковника Лоуренса, точнее, он мой старый друг, и поэтому он предложил вести дело мне, – эту фразу Рюген заучил наизусть еще месяц назад. Нет, все в ней было правдой. Практически правдой. Около-правдой. Да, действительно старый друг. Да, предложил вести, но не только это, а и вообще все подобные дела. Полковник с возрастом обленился и обзавелся поистине бронебойным спокойствием, так что ему было гораздо комфортнее выслушивать жалобы высокопоставленных потерпевших о том, что у них по дому «шастает какое-то быдло, почему нет нормальных офицеров?», нежели самому ковыряться в крови и кишках. А ведь нас отправляли исключительно на кровь и кишки. Я же говорил тогда Морту, что нужно было просто прихлопнуть того худосочного врачешку, что ковырялся в проститутке в подворотне Уайтчепела. Ну убил и убил, ну распотрошил и распотрошил, мало ли людей с чересчур утонченным вкусом, нужно было его придушить и прикопать где-нибудь там же в помойной яме. Хватились бы только через пару недель, а учитывая, что в тот сентябрь погоды стояли холодные, так по запаху нашли бы лишь к весне. Но нет, нашему бравому

зомби нужно было сделать все по правилам. Притащить в полицейский участок и допросить по всей строгости закона. Что-то, когда он был охотником за головами, подобная щепетильность его не очень волновала, где догонял, там и разбирался, на месте. Нет, что ни говори, а смерть очень меняет людей. Ну, вот и притащил он этого докторишку в участок, а тот как стал бить себя в грудь, сыпать всякими именами высокопоставленными да орать, что он, мол, Потрошитель и чистит город от всякой швали. Правда, порешить успел только одну проститутку, но если бы его не поймали... И пошел расписывать в красках. Знатно, видимо, двинулся на своей работе. Затем к участку подъехала карета с королевскими львами, и больше этого доктора никто никогда не видел. А нас с тех пор и стали отправлять на дела попроблемнее да погрязнее. Так что неудивительно, что, когда в трубку телефона проорали: «Кровь, везде кровь! Мертв! Аааа!» – по адресу сразу же отправили нас.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.